

Библиотечные истории

Конкурс КЛФ «КОНТАКТ»

**Новокузнецк
2019**

Центральная городская библиотека им. Н.В.Гоголя
Новокузнецкий городской
клуб любителей фантастики
«КОНТАКТ»

Библиотечные истории

Конкурс КЛФ «КОНТАКТ»

**Конкурс посвящён
90-летию Гоголевки**

Новокузнецк
2019

ДК 821.161.1.09
ББК 83.3(2Рос=Рус)6
Б 59

Библиотечные истории : конкурс КЛФ «Контакт» /
Центральная городская библиотека им. Н. В. Гоголя ;
Новокузнецкий городской клуб любителей фантастики
«КОНТАКТ». – Новокузнецк: Издательство «Ник без
Сотрапи», 2019. – 52 с.

12+

На первой странице обложки – фото Валерия Немирова.

Список авторов конкурса фантастического рассказа «Библиотечные истории»

- Рассказ № 1 «Акутагава и Гоголь», автор **Иван Мченский**,
Новокузнецк.
- Рассказ № 2 «Аталанта», автор **Андрей Собакин**, Москва.
- Рассказ № 3 «Аэлита», автор **Инна Ким**, Новокузнецк.
- Рассказ № 4 «Дело о "Чёрном гримуаре"», автор **Надежда
Калашникова**, Новокузнецк.
- Рассказ № 5 «Достоверный источник», автор **Елена Острых**,
Новокузнецк.
- Рассказ № 6 «Инопланетная любовь», автор **Лидия Некрасова**,
Новокузнецк.
- Рассказ № 7 «Мешок радости», автор **Евгений Белянин**,
Новокузнецк.
- Рассказ № 8 «Мистическая библиотека», автор **Наталья Бооле**,
Новокузнецк.
- Рассказ № 9 «Необычный город Музыкальных Звуков и Нот»,
автор **Наталья Иващенко**, Новокузнецк.
- Рассказ № 10 «Новая версия», автор **Татьяна Попова**, Москва.
- Рассказ № 11 «После нас», автор **Александр Либих**, Челябинск.
- Рассказ № 12 «Проклятый дом», автор **Анна Байрашная**,
п. Береславка, Волгоградская обл.
- Рассказ № 13 «Сеня», автор **Наталья Резниченко**, Новокузнецк.
- Рассказ № 14 «Тайна библиотеки в пустошах», **Дмитрий
Семёнов**, Новокузнецк.
- Рассказ № 15 «Таинственная библиотека», автор **Елена
Самойлова** (9кл.), Новокузнецк.
- Рассказ № 16 «Хранительница Мудрой горы и кардинал
Мазарини», автор **Нина Лучкина**, Новокузнецк.
- Рассказ № 17 «Хранительница», автор **Елена Прокопенко**,
Прокопьевск.

Решение жюри

1 м. – № 4 – Дело о «Чёрном гримуаре»	$5+4+6+6+5=$ 26 баллов
2 м. – № 3 – Аэлига	$6+6+5+2+1=$ 20 баллов
3 м. – № 13 – Сеня	$3+5+4+3+3=$ 18 баллов
4 м. – № 10 – Новая версия	$4+1+0+4+6=$ 15 баллов
5 м. – № 2 – Аталанта	$2+0+3+5+4=$ 14 баллов
6 м. – № 14 –Тайна библиотеки в Пустоши	$0+3+0+0+0=$ 3 балла
7 м. – № 11 – После нас	$0+0+1+0+2=$ 3 балла
8-9 м. – № 5 – Достоверный источник	$0+2+0+0+0=$ 2 балла
8-9 м. – № 8 – Мистическая библиотека	$0+0+2+0+0=$ 2 балла
10 м. – № 16 – Хранительница Мудрой горы...	$1+0+0+1+0=$ 2 балла

Результаты голосования на приз читательских симпатий

1 м. – № 10 Новая версия	18 баллов
2 м. – № 4 Дело «О чёрном гримуаре» и № 5 Достоверный источник	по 14 баллов
3 м. – № 2 Аэлига	13 баллов

Дело о «Чёрном гримуаре»

– Выходной на дворе, а он опять в свою библиотеку собрался! – Гулла упёрла руки в дебелые бока, загораживая входную дверь. – Нет, чтобы жене по хозяйству помочь, так он всё в книжки свои уткнуться норовит! Седина уж твоей энтой магией не выводится, постыдился бы!.. У всех мужья как мужья, а мне экое горюшко досталось!..

Бранд Синдрисон, почётный член Академии и вообще уважаемый в городе – но не в собственном доме – маг, вытянул руку, призывая шляпу и портфель.

– Ну полно, Гулла, мне пора.

– Давай, давай, проваливай! – крикнула жена, однако посторонилась. – Потом не жалуйся, что ужин простывший – мне по два раза греть невмочь!..

Бранд в рассеянности не придержал дверь, и та громко хлопнула. Наложить бы пару заклятий, и всех дел, да он всё забывает...

Улица будто улыбалась, приветствуя новый весенний день. Проходя мимо гостеприимно распахнутой кофейни, Бранд с наслаждением вдохнул манящий аромат свежесваренного кофе. «С корицей и кардамоном», – определил он, сглотнув. Эгиль, держатель кофейни, был поистине знатоком своего дела.

– Непременно зайду на обратном пути, – пробормотал академик. Однако же он спешил: не терпелось погрузиться в исследования Мельхиссора Нурланнского. Недавно он нашёл упоминания о любопытнейших экспериментах, занесённых магом в малоизвестный «Чёрный гримуар». Книги из закрытого фонда на дом не выдавались. Но Бранд был даже рад: это позволяло под благовидным предлогом ускользнуть из дома, подальше от ворчания жены.

Сигмунд неспешно передвигался по мостовой в ленивое воскресное утро – точнее, уже в воскресный полдень. Встал он всего как полчаса, потому чувствовал себя выспавшимся и отдохнувшим. Даже раненая нога, по обыкновению, не ныла. Вчера он потратил столько сил на этого мерзавца Болли – противный мальчишка не желал слушать учителя, словно тот был ещё одним дорогим и безвкусным украшением интерьера. Сигмунд уже подумывал бросить эту поганую работёнку, но платили за сына главного судьи неплохо, а деньги были нужны. В Академии больше ноги его не будет, как бы ни припёрло. Да и вряд ли уже его примут – перерыв в десяток лет не располагал.

Не говоря уж о происхождении.

Запах, доносившийся из кофейни, заставил Сигмунда остановиться. Зайти, что ли, глотнуть горько-обволакивающего напитка?.. Кофе здесь всегда подавался неизмеримо горячим – и оставался таковым, сколько бы посетители не просидели в мягчайших креслах, парящих под потолком. Магия, чтоб её...

Уголок рта Сигмунда раздражённо дёрнулся. Быстрым шагом он двинулся прочь, почти не подволакивая ногу. Уж лучше он скоротает часок-другой среди книжных стеллажей, вдохнёт аромат пыльной, слегка пожелтевшей бумаги, почитает что-нибудь интересенькое. И никакой этой вашей магии!..

...А над левым плечом будет подсвечивать летающая сфера, направляя мягкий свет на страницы. А указатели в виде голов дракона будут хихикать и язвить, когда он направится к детективным историям. Ну, любит он порой за честь что-нибудь эдакое на досуге, что с того? Невоспитанные бестии, даром что древние почтенные животные!

Магические.

Сигмунд вздохнул, вновь улыбаясь уголками губ – на сей раз мягко и горько. Магия была повсюду.

И от этого никуда не деться.

«Начальнику Драмменской библиотеки. Совершенно секретно. Указом его превосходительства мэра славного града Драммена Ойвинда Регинсона... объявить незаконными к чтению, хранению и распространению книги следующего содержания: «Сочинения» Фритьефа Серого, «Житие Кентаврия Кессадийского», «Чёрный гримуар» Мельхиссора Нурланнского по причине их зловредности и губительной угрозе спокойствию общества. Все, кто будет отмечен в хранении, распространении или же выдаче указанных книг, приговариваются... За повторное уличение... Писано от 4 числа ... месяца ...года».

Снотра, сотрудник главной (и единственной) библиотеки Драммена, любила воскресенья. Хотя, в отличие от добропорядочных граждан, у неё этот день был рабочим.

Но работа ей нравилась. Нравилось властвовать над книгами, возиться с ними... Почтения к толстым фолиантам старше себя самой она уже давно не испытывала. Только и заботы – как бы кто не измял листов, не попытался выдрать страницу с заклинанием. Написано же на стенах: попытка вырвать страницу приводит к сыпи по всему телу и – внимание, модницы и модники – лицу! Не сводится неделю, хоть как ты изгаляйся! Вроде же грамотные в библиотеку приходить должны, нет?..

Библиотекарь восседала на привычном месте. Из-за стойки хорошо было видно весь Большой зал – кроме стеллажей для желающих почитать здесь стояли столы и стулья. Твёрдые их спинки и сидения не позволяли расслабиться, напоминая, что пришли посетители не на чашечку кофе, а в храм знаний.

Публика сегодня была немногочисленная, но проверенная и любимая. Вот академик Бранд уединился за любимым столом у окна. Вот студентка Эйрис, поджав нижнюю губу, сосредоточенно склонилась над конспектом, обложившись четырьмя томами. Не иначе как «Рассуждения о медицине» – опытным взглядом определила Снотра по обложкам.

– День добрый, сударыня библиотекарь, – церемонно-насмешливо раздалось от дверей.

Раздражённо отбросив прилипшую ко лбу рыжую прядь, магичка обернулась к новому посетителю.

– Добрый. – Голос посуровел, на лбу образовалась складка, делавшая молодо выглядящую – как любая, даже столь слабенькая, магичка – Снотру старше своих лет.

Сигмунда она недолюбливала. Подворачивавший ногу человек раздражал её, занимая вроде бы немного места, но при этом переводя всё внимание на себя.

– Я старое не принёс, – негромко сказал он. – Так, пробежаться бы по новенькому...

Величественным жестом библиотекарь указала на стеллажи:

– Прошу.

Коротко кивнув, Сигмунд также неспешно побрёл вдоль стеллажей, как в детстве, рассеянно ведя кончиками пальцев по шершавым корешкам книг. Голова дракона, оглушительно чихнув, привычно мерзко захихикала, но он твёрдо решил не обращать на неё внимания.

Снотра, окинув взглядом зал, дышащий покоем и уютом, тихонько щёлкнула пальцами. Дымящаяся кружка с кофе подъехала к магичке; одновременно стойка немного приподнялась, скрывая от глаз читателей неуместное занятие, которому собиралась предаться библиотекарь.

Кофе был её страстью, ещё одним доступным способом расцветить красками жизнь скромной сотрудницы библиотеки. Начальство обещало увеличить оклад уже которое десятилетие, но на памяти Снотры не особо торопилось с исполнением обещаний. Не иначе как Сферы, на которых клялось начальство, изрядно утратили магию. Говорят, Сферы обмануть невозможно... Уж сотрудникам-то при приёме на работу явно давали настоящие!..

Отхлебнув дымящегося напитка, Снотра блаженно прикрыла глаза. Но тут же озабоченно их распахнула: надо бы пойти проверить, как чувствует себя ещё один читатель. Высокий, темноволосый,

обворожительный и нахальный. Подающий надежды молодой маг Рауд Лейвсон.

Вздорный и скандальный, как сам дьявол.

– Мне, пожалуйста, вот по этому списку, – небрежно облокотившись о край стойки, Рауд даже не удостоил Снотру взглядом.

– Я могу выдать вам только «Заметки на щиколотках» Рунольва Храброго, – произнесла она, изучив список, набросанный изящным летящим почерком. – Стейнмод Возвышенный сейчас на руках, а «Сочинения» Фритьефа Серого и «Чёрный гримуар» Мельхиссора Нурланнского входят в запрещённый список.

– Однако они у вас есть.

Библиотекарь пожала плечами:

– Да, есть, в Малом зале. Но нам запрещено выдавать их.

Взгляд мага ясно дал понять, какого он невысокого мнения о сотрудниках Драмменской библиотеки.

– Так и быть, я удовольствуюсь «Житием Кентаврия Кессадийского». Я не включил его в список, поскольку сведения в нём весьма скудны, но, если у вас более ничего нет...

– К сожалению, Кентаврий Кессадийский тоже запрещён, – предельно вежливо произнесла Снотра.

Разразилась гроза – в прямом и переносном смысле. Рауд, явив себя неплохим погодником, метал громы и молнии, отчего сработали противопожарные заклинания (хоть о чём-то начальство позаботилось!). Раздалось шипение змей-охранниц, и из пастей их потоком хлынула ледяная вода. Лейвсон сбежал, не переставая ругаться. Библиотекарю же пришлось сушить себя самой, а после расставлять обрушенные мощным напором воды книги по местам под ехидные комментарии драконовых голов.

...Эта выходка моментально отбила все романтические порывы Снотры в сторону Рауда. Живо вспомнился неудачный брак и громкий, со скандалом и файерболами, развод. Повторения не хотелось. Снотра задрала и без того вздёрнутый нос ещё выше, из мужского пола предпочитая, как и прежде, собственного кота.

– Сударыня Снотра, – отвлёк библиотекаря от воспоминаний надтреснутый голос Бранда. – Покорнейше прошу разрешения пройти во второй зал. Хотелось бы проверить некоторые свои гипотезы...

– Да-да, конечно, – рассеянно отозвалась та. – Проходите, разумеется. Вам помочь с поиском?

Академик галантно прижал руку к груди:

– Хотелось бы взять «Чёрный гримуар» Мельхиссора Нурланнского.

– Мельхиссор Нурланнский запрещён, – вздохнула магичка.

– Но позвольте, – Бранд снял очки и принялся протирать их полой сюртука. – Я ведь не прошу забрать книгу домой! Я работаю исключительно здесь, и вам прекрасно это известно! Неужели нельзя сделать послабление для преданного читателя?

– Это зависит не от меня, – проникновенно ответила Снотра. – Я бы с удовольствием, но...

И она развела руками, как можно более обворожительно улыбаясь.

Не помогло.

– Это возмутительно!.. Я буду жаловаться!..

Снотра никогда бы не подумала, что почтенный академик способен на такой шум. Сигмунд поморщился – на страницах читаемого им детектива напряжение как раз нарастало.

– Любезный, нельзя ли потише? – осведомился он. Снотра метнула в него злобный взгляд: он что, считает её неспособной навести порядок на рабочем месте?!

– Прошу соблюдать тишину! – сфера над её головой вопреки призыву оглушительно хлопнула.

– А вы не хлопайте тут на меня своей игрушкой! – не унимался Бранд. – Я, между прочим, тоже маг!.. В шестом, извольте заметить, поколении!..

Эйрис наконец подняла голову от своих конспектов. Посмотрела отсутствующим взглядом на жестикулирующего мага. И, со вздохом собрав в охапку книги и конспекты, переместилась на крайний стол у самого выхода.

– Я жалобу на вас напишу!.. В обе Ратуши сразу! Совсем распустились!..

Снотра только собралась сказать, что вообще-то приказ о запрещённых книгах пришёл из Ратуши. Магической, разумеется. Впрочем, Зигфрид, мэр людей Драммена, редко спорил с Ойвиндом, главой от магов.

Ответить библиотекарю не успела: хрустальная сфера на столе замерцала, являя хорошенькую светловолосую головку. У Агнессы был свой взгляд на просьбы не звонить в рабочее время. Сбрасывать звонок сильной магички, когда-то избавившей Снотру кое от каких проблем, не годилось. Схватив сферу, библиотекарю выскочила из-за стойки и рванула к выходу.

– Ой, Снотрочка, драгоценная моя!.. Как поживаешь? Мужика себе ещё не подцепила? И правильно, кому они нужны, дубины стоеросовые! Вот мой новый ухажёр вчера...

Агнесса, в некоторых кругах известная как Чёрный Жнец, в обычной жизни предпочитала облик обворожительной блондинки, любящей перемыть кости всем – от своих многочисленных бывших до мэров обеих Ратушей. Умудряясь при этом не выболтать ничего важного.

Но поболтать она действительно любила.

...Выключив наконец сферу, Снотра облегчённо выдохнула.

Стуча каблуками, привычно окинула зал взглядом – и не досчиталась одного читателя. Бранд мимо неё не проходил, значит, он в Малом зале.

«Надо сходить посмотреть, уgomонился ли, – подумалось Снотре. – И Рауд там поселился прямо. Сейчас, только кофе допью...»

Губы едва коснулись горячего фарфора, как кружка выпала из рук, плеснув содержимым на форменное светлое платье. Кофе обжѐг, но Снотра, напуганная жутким воплем, донѐсшимся из Малого зала, не обратила на это внимание.

Крик повторился. Библиотекарь помчалась туда, краем глаза отмечая, как пытается выбраться из-за стола Сигмунд – как назло, больная нога зацепилась за ножку стола.

Но добежал он, надо отдать ему должное, почти сразу за ней. Выглянул из-под локтя высокой Снотры, замершей на пороге.

Бранд уже не кричал, потрясѐнно раскачиваясь из стороны в сторону. Руки его и правый рукав сюртука были измазаны кровью. А на полу, уже в бурых некрасивых пятнах, лежал, неестественно выгнув голову, подающий надежды молодой нахальный маг Рауд Лейвсон.

С развороченной грудной клеткой.

Тѐплые ещё руки сжимали «Чѐрный гримуар» за авторством Мельхиссора Нурланнского.

– Куда? – сильные пальцы ухватили её, собравшуюся было шагнуть к мертвецу, за локоть. – И вы, сударь, отойдите от трупа!..

Снотра даже не огрызнулась, что не преминула бы сделать в иное время. Сигмунд меж тем, прихрамывая, вышел вперѐд, цепким взглядом осматривая помещение.

– Убийство... В моей библиотеке... В мою смену... Да начальник сам меня убьѐт! – взвыла Снотра.

– Это не я... Не я... – потерянно бормотал Бранд, раскачиваясь из стороны в сторону.

Сигмунд взгляделся в черты лица убитого, прекрасные и дерзкие даже после смерти. Что могло случиться с магом в библиотеке, прибежище знаний? Сигмунд вспомнил, что не видел Лейвсона, когда вошёл в зал. Значит, он всё это время был тут. Живой – или мѐртвый?..

Давно не испытываемый азарт охватил Сигмунда. Искушение было слишком велико. В три широких шага, ступая на цыпочках, что с больной ногой было непросто, Сигмунд приблизился к Рауду. Коснулся руки – та уже остывала, но чувствовалось, что жизнь покинула его совсем недавно.

– Ах!..

Эйрис, так и не выпустившая из рук конспекты, явилась на шум. И без того большие, серые её глаза сделались просто огромными.

– Вы убили его!.. – дрожащим голосом воскликнула она, указывая на Сигмунда. Тот хмыкнул:

– Ага, конечно. Всенепременно.

И принялся осматривать труп дальше.

– Магическая полиция! Все ваши заклинания будут обращены против вас! Руки за голову!..

На синей форме – красные язычки пламени. Как символ когда-то полыхавших костров инквизиции.

Как предупреждение магам.

– Может, ещё и на пол рухнуть? – хмыкнул Сигмунд, покорно заводя руки за голову. С полицией, да ещё магической, спорить – дорогое удовольствие, но отказать себе в нём Сигмунд не мог.

– Ты ещё острить будешь!.. – рука офицера занеслась было в нападающем жесте, но напарник одёрнул его:

– Ульвар!..

Быстро и профессионально поставив всем охранные печати-маячки – попытка снять оглушала болью – офицеры согнали всех в Большой зал, усадив на первые попавшиеся стулья. Сигмунд поморщился: надо было всё же идти в кофейню!.. Единственный человек среди четырёх... ладно, уже трёх магов, он наименее подходил под подозрение, но допрашивать будут всех и по полной программе.

В этом он уже имел удовольствие убедиться.

Сигмунд оказался до отвращения прав. Когда он вышел из библиотеки, на город уже опустились дымчатые сумерки. Есть не хотелось, хотя он не обедал. Только выпил кофе, самоотверженно заваренный библиотекарем на всех – и следователей, и подследственных.

...Маги вымотали всю душу. Стало ясно, что его никто не подозревает, почти с первых слов. Но разве ж они упустят возможность показать свою власть над человеком?

Не упустили.

Голова гудела. Хотелось рухнуть в кровать и забыться сном без сновидений. Но не давала покоя какая-то мелочь. Будто назойливая муха, звенела она и гудела вокруг Сигмунда, никак не позволяя себя поймать.

Он потряс головой. Завтра, всё завтра!..

Снотра на негнущихся ногах ввалилась в дом. Свет включился не сразу – трясущиеся пальцы не желали складываться даже в столь простой жест.

– Ой, Хьюге, – простонала магичка, зарываясь носом в шерсть большего рыжего, как она сама, кота, – какого страху я натерпелась нынче! Убийство, подумать только! В моей библиотеке, в самом тихом месте города – убийство!..

Кот фыркнул, прынул ушами. С любопытством муркнул:

– Поведай же мне о той кровавой бойне.

Хьюге прежде жил у какого-то скальда, оттого предпочитал изъясняться исключительно возвышенным слогом. Потом хозяин

возжелал покинуть Драммен, отчего-то решив, что в новое место поедет без кота. Хьюге долго не мог простить такого предательства, пока высокая библиотекарка не растопила его сердце.

Разумеется, после того как он сам растопил её.

– Бранда обвинили. Поверить в это не могу!.. – помрачнела Снотра. Вопреки обычаю, выговариваться не хотелось. Хотелось упасть в горячую пенную ванну и выпить бокал вина, а лучше три. Но не больше: завтра и без того будет головомойка от спешно выдернутого начальства, умчавшегося третьего дня в маленький внеплановый отпуск.

– Что всё же приключилось в храме знаний? – повторил Хьюге, вспрыгнув на бортик ванны, куда хозяйка рухнула, взметнув тучу брызг.

– Хьюге, отстань... Не сегодня, – устало прошептала Снотра, материализуя в руке бокал вина.

Тычок в спину подтолкнул не поспевавшего за быстрым шагом молодых офицеров академика.

– Шевелись!..

– Что вы себе... позволяете...

Ещё один тычок, сильнее прежнего, заставил его подпрыгнуть на месте.

– Если ты ещё не понял: ты обвиняешься в убийстве мага Рауда Лейвсона, и тебя ждёт тюрьма и виселица.

Бледный от пережитого Бранд прошептал:

– Я невиновен...

– А это не тебе решать! – рявкнул Ульвар.

Холджер, отодвинув напарника, сказал уже мягче:

– Вас нашли над трупом. Вы числитесь в почётных членах Академии, а такой чести достаиваются лишь сильнейшие маги. Нам также известно, что вы давно хотели заполучить «Чёрный гримуар». Увидев книгу в руках Рауда, вы вступили в борьбу. Маг не пожелал делиться находкой, оттого вы убили его.

Бранд попытался было возразить. Но его уже втолкнули в камеру с блокиратором магии, и дверь бесшумно затворилась.

Сигмунд помедлил перед входом в библиотеку. Разговаривать с магичкой не хотелось, но проснувшийся интерес оказался сильнее.

В Большом зале было пусто. Странно, обычно после громкого дела возникает всплеск интереса к заведению... «Это же не трактир», – одёрнул себя Сигмунд. Поздоровался:

– Доброе утро, сударыня. Не желаете ли поучаствовать в одном эксперименте? От вас потребуются лишь пара сведений об одном читателе.

Снотра вздёрнула подбородок. Гордо отрезала:

– Я, конечно, не врач и не обязана хранить тайны, но и сплетницей вы меня не назовёте!

– Я ведь даже не сказал, кто именно меня интересует, – негромко повторил Сигмунд, и Снотра внимательнее взгляделась в человека. – Рауд Лейвсон.

Магичка помолчала.

– Вы же сами вчера были здесь, – утомлённо произнесла она наконец. – Вы не следователь, к чему вам ворошить кости?

Сигмунд кивнул:

– Не следователь. Только любитель. Но это дело не оставляет меня равнодушным.

– Вы читались детективов, сударь, – высокомерно бросила Снотра. – Это ещё не делает вас специалистом, тем более – магическим полицейским!

– Я не доверяю магам, – ледяным тоном отчеканил Сигмунд. – И у меня к тому есть все основания. Вы поможете мне или нет?

– Я вообще-то тоже маг, – язвительно заметила библиотекарь, нервно одёргивая рукава форменного платья.

– Вам был интересен этот юноша, – бесстрастно заметил Сигмунд. – Вы не откажетесь помочь разобраться в его судьбе.

– Он был мне интересен ровно настолько же, насколько и академик Бранд – исключительно как читатель! – взъерилась Снотра. – Меня интересовало, чтобы книги он сдавал в срок, чего он никогда не делал!..

– То есть пунктуальность не была его чертой, – мгновенно подхватил Сигмунд. – Отлично. Что ещё вы можете сказать о своём постоянном читателе?

Магичка опешила от такой хватки.

– Рауд Лейвсон... Он такой увлечённый всегда... был. Если взбредёт какая идея в голову – разубеждать бесполезно! И... по паре обмолвок я поняла, что у него нет девушки.

– Для такого красавчика это странно. Семья, друзья? – живо подхватил Сигмунд.

– Он всегда приходил один. Мать – талантливая магичка, живёт своей жизнью, отец ушёл из семьи давно...

– А говорите, ничего не знаете! Сударыня, да вы кладёшь информации!

Снотра хмыкнула.

– Мы заполняем карточки на каждого читателя, – пожалала она плечами. – Литера «Л» выпала мне.

Сигмунд и сам не мог сказать, чем вызван его интерес к делу молодого мага. Может, обстоятельствами: убийство в библиотеке – это вам не в толпе ножом пырнуть!.. А может – и этот мотив становился всё отчётливее – он не считал Бранда убийцей. Слишком

мало времени было у академика для применения мощного заклятия. Лишённый какой бы то ни было магии Сигмунд в своё время неплохо изучил теорию, считая, что для жизни в мире, где маги и люди столь плотно перемешаны, это будет нелишним.

И оказался прав.

После беседы со Снотрой Сигмунд наведалься-таки в Академию, понадеявшись на старые связи. К удивлению, его выслушали – и даже ответили на ряд вопросов. Дело всколыхнуло магическое сообщество Драммена: только ленивый не склонял на все лады Бранда, уничтожившего такого талантливое мага. Всё списывали на зависть и возраст.

...Портрет Лейвсона вырисовывался любопытный. Амбициозный, наглый, но обаятельный, он упорно занимался овладением магического ремесла. Но не особо выбирал методы в погоне за целью, мечтая однажды прославиться.

«Чёрный гримуар»... Власть над смертью? Да уж, та ещё слава...», – размышлял Сигмунд. Только кто же всё-таки подрезал магу крылышки? Если не Бранд, то кто? Эйрис? Она не вылезала из-за своего стола в углу Большого зала. Да и не было у студентки первого курса ещё ни соответствующих сил, ни знаний.

Кто-то тайный пробрался в окно?.. Защита на библиотеке, может, и не как на Ратушах, но имеется. Желающих сунуться ждёт много неприятных сюрпризов. Неужели нельзя было выбрать другое место для сведения личных счётов?..

Библиотека. «Чёрный гримуар» в руках убитого. Закрытые дверки шкафа, где стояла книга... Закрытые дверки...

Сигмунд закружил на месте, забыв про большую ногу. Будто гончая, напавшая на след. Тот мог оказаться и ложным.

Стоило проверить.

Гулла кричала так, что офицеры, привычные ко всему, морщились.

– Говорила я – не доведут до добра эти твои книжки! Сидел бы дома, глядишь, и не было бы ничего! Нет, потащился спозаранку, ровно на свидание с молодухой!.. Вот сидишь теперь с приговором, непонятно, как его снять... – всхлипнула она.

До того угрюмо сидевший в углу комнаты свиданий Бранд поднял на неё взгляд.

– То есть ты считаешь обвинение несправедливым?

Жена даже рукой махнула на такую, по её мнению, глупость:

– Ну разумеется! Ты даже муху убить не в состоянии, куда тебе мага грохнуть!.. Думать надо теперь, как выбраться отсюда!..

Бранд протянул было к жене руку, но разделявшая их золотистая сетка предупреждающе загнула.

– Ты мне веришь, – шептал он будто в забытьи. – Ты мне веришь... Я думал, ты первая будешь меня обвинять...

– Ну совсем старый из ума выжил! – возмутилась Гулла. – Книжки твои тебе точно мозги отшибли! У меня, конечно, образования нет, но глаза пока на месте. Безо всякой магии вижу, дурной человек али добрый. Ты дурной у меня, конечно, но добрый же!.. Нешто я слепая?

Снотра с удивлением воззрилась на огромную деревянную куклу, шествовавшую будто бы сама по себе. Вознамерившись уже было сотворить парочку заклятий, магичка узрела внизу лишнюю пару ног, обутых в мужские ботинки.

– Что за балаган вы устроили, Сигмунд? – ледяным тоном спросила она. – Перепутали библиотеку с театром марионеток?

Тот поставил куклу в человеческий рост на пол. Облегчённо выдохнул:

– Тяжёлая, зараза... Сударыня, я вновь предлагаю поучаствовать в эксперименте. Мне потребуется помощь. Помощь мага.

Брови Снотры изогнулись:

– И поэтому вы заявили сюда с этим деревянным страшилищем?

– Уж какую подогнал сосед-плотник!.. В Малом зале сейчас есть читатели?

– Никого, – нахмурилась библиотекарь.

– Отлично, – подхватив куклу поудобнее, Сигмунд направился в Малый зал.

– Скажите, Снотра, – впервые он назвал магичку по имени, остановившись напротив шкафа с запрещёнными книгами. – Как он открывается? На вид засовы просты до безобразия, здесь явно магия, но как именно она работает?

Сняв с шеи цепочку с неприметным медальоном, Снотра приложила его к засовам, второй рукой прикасаясь к появившемуся углублению для руки. Дверки медленно отворились.

В огромном шкафу стояло всего пять книг.

– А если кто-то попытается открыть без медальона?..

– Вы хотите сказать, что Лейвсон попытался взломать шкаф? – недоверчиво спросила Снотра. – Его вырубит, естественно – это написано большими буквами на стендах у входа, и вот, для самых внимательных, – она ткнула изящным пальцем в светящуюся надпись сбоку от шкафа. – Но здесь нет заклятий-убийц!

– Вы уверены? – в упор посмотрел на неё Сигмунд. – Я не доверяю магам. Тем более, «Чёрный гримуар»... Рауд уже просил у вас эти книги – и вы ответили, что их нет в доступе. Что сделает амбициозный молодой маг, подогреваемый жадной славой? Вполне может попытаться взломать засовы. А теперь... закройте, прошу вас. А теперь я бы хотел,

собственно, провести эксперимент. Допустим, я попытаюсь открыть шкаф. Руками куклы, разумеется – мои мне пока ещё дороги. А вы прочтите какое-нибудь размыкающее заклятье. Посмотрим, как отреагирует шкаф.

– Я не настолько сильный маг, чтобы тягаться с заклятьями, разработанными лучшими умами, – пожалала плечами библиотекарь, всем видом показывая, что не собирается участвовать в этой глупой аванюре.

– Сразу видно, сударыня, что ваша молодость – суть магические ухищрения, – едко сказал Сигмунд, прижимая куклу к груди. – Лейвсон был молод, по-настоящему молод, и он явно считал иначе.

Скулы магички побагровели.

– Ах ты!.. – она занесла было руку для поражающего заклятья, но Сигмунд, быстро прикрывшись куклой, указал на шкаф.

Синяя дымка окутала засов. Тот крутанулся, задрожал, и из него бесшумно вылетела стрела, угодившая прямо в грудь деревянной кукле. Разворошила дерево – и вернулась обратно. Засов вернулся обратно, в точности на своё исконное место.

Предусмотрительно рухнувший на пол Сигмунд поднялся – со второй попытки. Поглядел на ошарашенную Снотру. На дырку в груди куклы – там, где у живого билось бы сердце. На шкаф. На дверь зала, в которую никто из любопытства даже не начал ломиться, ибо проделано было всё совершенно бесшумно.

Поинтересовался ровным голосом:

– Ещё остались вопросы?

В отделение магической полиции Сигмунда пускать не хотели.

– Человек? – спросил, будто сплюнул, охранник. – Топай давай.

– У меня информация по делу Рауда Лейвсона. Мне нужен Альмод Агейрсон, ваш начальник.

Офицер выгнул бровь:

– Начальства нет. И лучше, если и тебя тоже сейчас не будет.

– Я подожду. – Сигмунд непринуждённо уселся, скрестив ноги. Внутри он обмирал от страха, не совсем понимая, зачем вообще во всё это ввязался. Кто ему эти маги – что Бранд, что Рауд? Да этот офицеришка может его испепелить одним щелчком – и сказать, что так и было!..

Но он не хотел жить в обществе, в котором можно умереть, пожелав взять в руки книгу. И пойти на виселицу, не совершая преступления.

– Что желаете, сударь? – раздался холодный голос.

– У меня есть информация по делу Рауда Лейвсона.

Во взгляде голубых глаз мага не отразилось ничего.

– На самоубийцу вы не похожи, – произнёс он, рассматривая поднявшегося Сигмунда, особое внимание уделив раненой ноге. –

Потрясающая дерзость, но из любопытства я вас выслушаю. У меня есть свободных четыре... нет, три минуты. Ну же, говорите! – нетерпеливо прикрикнул он, удивляясь, что человек медлит, не торопясь пользоваться оказанной ему милостью.

– Я полагаю, сведения эти конфиденциальны, – деликатно произнёс Сигмунд, оглянувшись на скупающего офицера.

Альмод лениво пошевелил пальцами, и их с Сигмундом окружила мерцающая плёнка. И последний растерялся. Хотелось сказать столько всего и сразу... Слова будто пристали к языку. И от растерянности он сказал совсем не то, что собирался.

– Скажите, кто ваш любимый книжный герой?

Брови мага шевельнулись. Сигмунд же зачистил:

– Вы завсегдатай библиотеки, Альмод Агейрсон. Не отпирайтесь – Снотра сдала вас. Конечно, вы приходите не так часто, как иные читатели – на этой должности у вас остаётся не так уж много свободного времени. Вы ведь знаете, что у Бранда не было ни времени, ни мотивов. Он не виновен в смерти Рауда. Никто не виновен – кроме заклятий-убийц, о которых почему-то не знают ни читатели, ни сотрудники. Люди... маги вашей должности не склонны к сантиментам. Но вы ведь любите читать, Альмод. Кто ваш любимый герой? Что бы он сделал на вашем месте? Осудил бы невинного, чтобы закрыть дело?.. Или поискал того, кто поставил смертоносные заклятья, не предупредив о них?

Выдохнув, Сигмунд шагнул сквозь прозрачную плёнку, всей кожей ожидая заряда в спину.

Заряда не последовало.

Весенний праздник был, по обычаю, шумным и пёстрым. Оба мэра присутствовали на нём – вместе с нарядными жёнами. Официальная часть уже закончилась, и народ разбрёлся кто куда.

– Ваше превосходительство позволит?.. – начальник магической полиции протянул мэру магов бокал, ненавязчиво вклиниваясь между главным судьёй и хихикавшей дамочкой средних лет, не в меру изукрашенной бриллиантами.

Ойвинд взял бокал. Ослепительно улыбнулся:

– Отравлено?

И, не дожидаясь ответа, пригубил вино. Как-то незаметно народ вокруг них рассеялся, и показушная улыбка мэра тут же исчезла.

– Попытки нарушить естественный ход вещей всегда плохо заканчиваются. Мельхиссор Нурланнский, кажется, был готов поспорить с этим? Обыграть смерть... Жаль. Ещё более жаль, что столь достойный и талантливый юноша, как Рауд Лейвсон, возжелал пойти по его стопам. Великий талант может обернуться великим злом, –

вздыхнул Ойнвид, подняв вспыхивающий в свете тысячи свечей бокал. – Я читал ваш рапорт, Альмод. Любопытно. Вы, конечно, правы, вынося приговор магу, самовольно поставившему столь опасные заклятья. Но... в какой-то степени он исполнял мой приказ... Сложный выбор порой встаёт перед нами. Что важнее – жизнь одного или безопасность тысяч?.. Что бы выбрали вы, Альмод?

– Разумеется, безопасность, ваше превосходительство, – отчеканил тот. – И только её.

Он и сам не знал, лукавит ли мэру – или же нет.

– Опять в свою библиотеку собрался!.. – подперев бока кулаками, кричала Гулла. – Довела она тебя раз, доведёт и другой! Загредишь снова в тюрьму – обедать на борщ не приходи!

Бранд рассеяно призвал портфель.

– На обед непременно приду, – чмокнул он жену в сморщенную щёку. – А уж если ещё и пампушки с чесночком будут, то даже вернусь пораньше.

Гулла смутилась от позабытой уже нежности.

– Ишь чего удумал, старый бесстыдник, – проворчала она, но уже не столь уверенно. – Пампушек ему! Али я прислуга тебе какая?.. Обойдётся! Сейчас, только в погреб за чесноком спущусь...

Притворив больше не скрипевшую дверь, Бранд вышел на крыльцо. С отмытого весенним дождём неба ухмылялись облака.

Улыбнувшись, академик бодро зашагал знакомым маршрутом.

Снотра, спрятавшись за стойкой, подвинула дымящуюся чашку. И тут же скривилась: хлопнула входная дверь. Нет, она вовсе даже не против читателей, но... У библиотеки объявился новый начальник. Целый день перетрясали фонды, проверяли охранные и прочие заклятья, долго и нудно рассказывали о правилах безопасности, вновь заставили поклясться на Сфере... И вот, стоило только расслабиться...

– Сударыня, у меня к вам предложение.

Та обречённо уставилась на Сигмунда.

– Что ещё? Вы обнаружили труп в переулке?

Тот покачал головой:

– Нет. Но, поскольку вы несколько раз пропустили свой кофе – в том числе и по моей вине, – он красноречиво покосился на кружку, – то чувствую себя обязанным это исправить. Сударь Эгиль варит чудесный кофе, это признаю даже я.

Снотра вздёрнула острый нос. Поправила так некстати упавшую на лоб рыжую прядь.

– С одним условием. Вы расскажете, где обучались ремеслу следователя.

– По книгам.
– Вы слишком профессиональны для простого читателя, – усмехнулась Снотра. – Обещайте, – сверкнула она зелёными глазищами. – Иначе я превращу вас в жабу!..
Сигмунд улыбнулся уголками губ.
– Обещаю.

Инна КИМ

Аэлита

Все наши – и даже девчонки – хотят стать лётчиками. Или хотя бы танкистами. Я тоже говорю, что хочу. Но это неправда. Если честно, я хотел бы стать библиотекарем: как Олеся Казимировна. Только разве в таком признаешься? Засмеют. И первые – Санька с Соней. А мне и без этого ужас как не повезло: с внешностью – да и с мамой (хоть плачь). Я всё расту, расту – и никак не вырастаю, оставаясь самым маленьким мальчиком в классе.

Но страшнее всего, что волосы у меня кудрявые, – и мама носит их с ними, как какая-нибудь Арина Родионовна с причёской пушкинской Татьяны (хотя я отчаянно сопротивляюсь). Дошло до того, что у сына старшего лейтенанта и вообще отличника строевой и боевой подготовки по самые плечи выются самые настоящие локоны – тьфу! Рыжий Саня, когда не в настроении, начинает ехидно выводить противным козлиным голосом: «Онегин, я скрывать не стану...», а остальные ребята предательски хихикают. Только девочки молчат и отворачиваются, ну а Сонька – она вообще-то боевая, – может, если что, и ранцем по Санькиному корпусу двинуть.

А я считаю: поделом. Да, приезжал в наш военный городок один упитанный бас из Московской консерватории, пел в клубе эту арию князя Гремина из оперы Петра Ильича Чайковского и, как назло, посмотрел на места, где сидела такая гордая и нарядная мама – и весь в локонах я. Потом он манерно поклонился, как настоящий артист, а гигантский букет бархатно-бордовых садовых роз, который ему подарили, вручил засмутившейся маме (папа в это время был на дежурстве, а когда про баса узнал – пошёл сердито курить на крыльцо).

Ну и что? Теперь смеяться? Тогда справедливый вопрос: кто такой после этого Саня? Вражина как есть. Правда, когда его мамка с папкой не скандалят, так что перья из порванных подушек по пыльной улице летят, – он парень мировой. Чем хочешь – поделится. Только про девчонок любит глупости говорить: будто уже целовался – и не с одной. Даже с Сонькой... Ага! Кто ему поверит? Не с его конопатой личностью. Он, поди, и целоваться-то не умеет.

Дразнишься, Санька? Так что ж! Я с этими проклятущими локонами уже расправился: сразу после Гремина враз взял мамины ножницы, которыми она выкройки своих платьев вырезает, – и конец. Мама поплакала, конечно, попричитала, а потом папиной бритвой сама меня наголо подравняла. Ну ещё пожаловалась сердобольным соседкам, какой я упрямый – весь в отца: всего-то делов. А папа одобрил: сказал, что я наконец-то на мужчину стал похож – в отличие от разных басов. После этого уже мама на крыльцо побежала – подышать.

Нет, музыка – полная чепуха, одно расстройство. Не то что книги. Не удивительно, что Олеся Казимировна всегда такая добрая и успокаивающая, будто легендарная Пангея, которая миллионы лет назад была единственным материком Земли.

Когда я, запыхавшийся, вбегаю в нашу библиотеку, Олеся Казимировна (Пангея) сначала с притворной строгостью поднимает ниточки-брови и ведёт меня за перегородку, где накрытая глубокой фаянсовой тарелкой дымится туманным облачком ароматного пара моя любимая толчёнка: пышная, жёлтая, в зелёных снежинках укропа и с растопленным сливочным маслом в уютном углублении, сделанном алюминиевой ложкой. Вкуснятина! Почему-то толчёнка всегда горячая: будто старушка-библиотекарша с улыбающимися васильковыми глазами и белоснежными волосами, стянутыми резинкой в учительский пучок, заранее знает, когда меня ждать.

Только я не удивляюсь: в библиотеке встречаешь и не такие чудеса. Все считать – считатьки не хватит. Да взять хоть самую Олесю Казимировну: у неё молодые июньские глаза и старые (совершенно седые) волосы; застенчивая девчоночья улыбка и милые старушечьи морщинки вокруг рта. А ходит она танцующей быстрой походкой, словно какая-нибудь прима-балерина – я видел такую на концерте, куда меня мама в детстве водила. В общем, ни за что не понять, сколько нашей библиотекарше лет. Может, сто или тридцать (как маме и папе).

Я считаю, это всё из-за того, что время в библиотеке перепутывается. А как за ним уследишь, если книжки о непредставимом прошлом и невероятном будущем стоят на соседних полках?

Торопливо глотаю обжигающую вкусную картошку и помогаю Олесе Казимировне разделаться с обычной библиотечной текучкой: драю дощатые полы, как какой-нибудь храбрый матрос на подлодке, и на маленькой печке, где до этого готовилась толчёнка, осторожно мешая, варю густую липкую кашу из белого клейстера из пшеничной муки, чтобы подклеить оторванные книжные корешки. Если зима – ношу дрова; если лето – меняю воду в цветочных вазах (Олеся Казимировна любит луговые цветы). Могу окошки протереть, книжки на место поставить. Как ни крути, а ничего героического, что должны делать будущие лётчики или танкисты.

Но мне нравится. Только я ничего такого ни рыжему Сане, ни Соне не говорю: станут дразнить. А оно мне надо?! Может, у человека этих дурацких проблем и так хоть столовой ложкой ешь. Может, ему просто хочется побыть одному и подумать.

Саня, Соня и все наши – мои новые самые крепкие друзья. Мы дружим с позапрошлой осени, когда приехали в наш военный городок и все вместе досконально облазили старую крепость. Вот это было да! Она ж построена почти сто лет назад! А краснокирпичные двухэтажные казармы Цитадели до сих пор сохранились – и пять ворот: Холмские, Тереспольские, Александровские, Северо-Западные, Южные. Эта крепость походит на средневековый замок из книжки, – и Саня аж затрясся: надо искать клады. Только там не нашлось даже самой маленькой медной монетки. Зато в Александровских воротах были развалины старых танков, – и, понятно, мы до ночи играли в войну, пока рассерженные мамы не стали нас искать.

Но когда началась весна, все забыли про клады и танки, а только и бегали на жёлто-зелёную от солнца местную речку Мухавец, которая протекает прямо по территории крепости, превращая ту в остров. А между крепостными рвами и Мухавцом насыпаны три уютных искусственных острова: они связаны с большим – нашим военным городком – старинными подъёмными мостами, которые по-кошачьи выгибаются каменными спинками. Правда, круто?! Мальчишки – и, конечно, Сонька – сигали с разбегу вниз в ещё ледяную майскую воду, а потом безостановочно дрожали, обсыхая на берегу.

Только Соня, когда я к ней подходил, чтобы поделиться полотенцем (всё-таки она девочка), не стучала зубами, как рыжий Санька, а улыбалась: смелая – просто жуть! А когда в июне вода теплела, мы добирались вплавь до островков и строили там из подобранных веток индейские вигвамы-шалаша, как у Фенимора Купера. Девочки, приходившие к нам по мостам, были бледнолицыми скво, которых мы (и отчаянная Сонька) захватывали в плен. Но никто не знал, а что же с ними делать дальше.

Однажды Олеся Казимировна рассказала, откуда у нашей речки такое смешное имя: Саня, если честно, сразу подумал, что библиотекарьша над нами подсмеивается. Где это видано? Оказывается, Мухавец – это слившиеся вместе ручей Муха и текущий по всему Полесью канал Вец. Парни и девчонки потом весь день спорили: правда это или нет. Ну не может Мухавец происходить от легкомысленного ручья: по нему ведь большие паромы ходят! Только я верю: Олеся Казимировна прочитала все-все библиотечные книжки. Может, она даже самая умная на свете.

Иногда я забегаю в библиотеку поздно вечером, когда возвращаюсь с речки домой, а она сидит у раскрытого окна (такая маленькая, старенькая

и строгая). Шуршит книжными страницами, ловя оранжевые закатные лучи. И её васильковые глаза становятся туманными от слёз, так что хочется подойти и погладить печально наклонившуюся белоснежную голову. Все в военном городке знают: самолёт, на котором летели муж и сын Олеси Казимировны, загорелся в воздухе и разбился, а от них самих не осталось ничего, что можно было бы похоронить.

Мы переехали в крепость меньше двух лет назад, а до этого папа служил в Сибири, где снега зимой по колено, а то и по пояс, и куда мама отважно отправилась со мною-малюткой. Помню, как лязгал вагон по рельсам: чух-чух, – и мама кутала меня в тёплые одежки, из которых, разворачивая, доставала, словно из толстых листьев смешную капустную кочерыжку. Станцию Юргу – пункт нашего прибытия, – многократно обвивал, злясь, снежный Змей Горыныч: он плевался ледяной крошкой, страшно свистел в уши, сбивал холодом с ног.

Папа радостно нёс чемоданы. Я вырывался из маминых рук. В комнате, где меня вытаскивали из листьев-одежек, было жарко, сонно. Мурчал трёхцветный хозяйский кот с волшебными зелёными глазами. Утром мама шила цветастый ситцевый пододеяльник для казённого ватного одеяла. А вечером папа принёс ей шубу, а мне крошечные белые валенки, от которых мама пришла в восторг.

Там я жил до десяти лет: и сначала пришлось несладко – мама сама меня воспитывала. Но потом она пошла в школу учительницей музыки (у мамы была неоконченная из-за папы Московская консерватория), а я оставался с нашим соседом Абельгазом. Тот смотрел, как я неуклюжим жеребёнком скачу по комнате и двору, и улыбочиво приговаривал: «Ай, юрга, якши!» – и тут же переводил с татарского на русский: «Такой быстрый! Молодец». А когда мы с местными мальчишками купались летом в речке Юрге и меня чуть не унесло резвым говорливым течением, – я понял, почему она так называется. Хорошо, дядя Абельгаз гулял по берегу с невестой – и, сбежав в воду, поймал меня за руку. А какая у него была свадьба! Отец жениха разрезал двух больших гусей и вынес их гостям, которые давали дяде Абельгазу и тёте Айназ за это подарки и деньги.

Когда я пошёл в школу, мне выдали букварь и арифметику, и я с упоением читал, как мама мыла раму. Только не мог понять, зачем же прерывать слова чёрточками: так затруднять детей? Стал крутиться, тянуть изо всех сил руку, чтобы ответить. Молодая учительница в роговых очках поставила меня в угол – и тогда я почувствовал пьянящий вкус свободы. Все ребята сидели как рабы, прикованные к галерам-партам, и только одна учительница и я оставались свободными людьми. Она ходила по классу – я топтался в своём углу.

Правда, и тут не вытерпел – начал строить рожицы. Класс – в хохот. Меня за дверь. И так на всех уроках: учителя стонали, а я

купался в лучах школьной славы. Даже старшеклассники уважительно перешёптывались: такой маленький, а отчаянный – страсть! Папа, когда узнал о моих подвигах, – вытащил ремень. Но мама от него отбилась и решила исправлять меня при помощи прекрасного.

Это были самые ужасные три года моей жизни: я учился играть на скрипке. Каждый вечер мама, как клешнёй, за плечо цап – и к учителю за ручку. Иосиф Маркович – пожилой, огромный, страшный, с выдающимся горбатым носом и сердитыми чёрными глазами, – обучал меня нотной грамоте и скрипичной игре. А вечером мама садилась у круглого стола, который раздвигали только на папин день рождения, а меня со скрипочкой ставила напротив: играй. Вроде занята – весёлого матросика на пятаках крестиком вышивает, – а чуть слодырничая или сфальшивлю, сразу: «Сегодня останешься без улицы».

Такой вот абсолютный слух – на мою голову. Но хуже всего, когда под маминым конвоем я через весь посёлок к Иосифу Марковичу шёл, прижимая к себе скрипичный футляр. Ребята меня всмерть задрознили. В то время на горбатом деревянном мосту у юргинского дома культуры сидел безногий старичок в меховой ушанке, залиvisto играя на дребезжащем аккордеоне, а ему за это денежку кидали. Вот мальчишки и стали надо мною трунить: «Дед подохнет – ты вместо него сядешь». Какой семилетний парень это стерпит?!

Через три года я разбил скрипку в щепки. И с тех пор стал абсолютно бесстрашным (самым страшным в жизни тогда казался Иосиф Маркович). А потом папу прислали в крепость на жёлто-зелёной речке Мухавец, где тепло даже зимой, и я выстриг мамиными портновскими ножницами позорные локоны – напоминание о моей несостоявшейся карьере скрипача. Но мама оказалась права: я, и правда, стал хорошо учиться. Начал глотать книжки одну за другой. И за то, что мог ответить на любой вопрос, мои новые друзья меня уважали и даже называли Профессором.

Я действительно люблю читать. И когда оказываюсь в библиотеке, то каждый раз замираю от ни с чем не сравнимой солнечной тишины, наполненной таинственными шорохами страниц, будто идущими из иных измерений. Словно отсюда и в бесконечность тянется множество приоткрытых дверей, за которыми шепчутся собственные вселенные. Так что в сердце комок и иголки мурашек по позвоночнику.

Библиотека была как волшебный лес, перемещавший меня в невиданные миры: стоило открыть какую-нибудь книжку. Он был ласковый и сумрачный, странный и сонный. Но когда твоя жизнь только в начале, то есть бесконечна, – библиотека-лес наполнена весёлым солнцем, прокапывающим сквозь тонкую кожицу листьев, оглушительным щебетом птиц и смешной вознёй крошечной, пушистой или шестиногой лесной жизни.

Мягкий свет ласково скользит по наизусть знакомым строчкам, нос привычно щекочет тёплый, немного пыльный книжный запах. И я замираю от предвкушения ожидающего меня чуда: что-то ощутимо словно шёлкает в воздухе, – и я снова сражаюсь с ужасным Тараканищем, наблюдаю осторожной любующейся украдкой за прекрасной лебединой стаей, нахожу за разрисованным холстом потайную дверь в справедливую Страну Чудес, бережно обнимаю за шею отважного Белого Клыка.

Но, конечно, такую детскую чепуху я уже давно не читаю. Теперь я люблю фантастику и, как только закончу привычные библиотечные дела, начинаю копать на любимых полках и в тысячный раз перечитывать: про Аэлилу и Лося, про межзвёздного скитальца, про голову профессора Доуэля. Эти книжки всё перевернули у меня внутри. Они рассказывали о непредставимом мире, путешествии сквозь время и как можно жить после смерти (если это вообще назовёшь жизнью). И только страницы про любовь я всегда торопливо перелистывал – подумаешь, какая чепуха!

Осенью у мамы рождается крошечная девочка со смешным сморщенным личиком и туманными синими глазками, а весной за отличие в воинской службе и успехи в строевой и боевой подготовке папу премируют поездкой в Москву. Мама говорит, чтобы он ехал со мной, а сама остаётся в нашем военном городке: распашонки, каши – все дела. Мы садимся в поезд с варёной курицей и картошкой в мундирах, и я забираюсь на верхнюю полку, тут же погружаясь по самые уши в марсианский роман Алексея Толстого.

А ночью внезапно просыпаюсь: за окном вслед за длинными тире кромешной черноты вдруг выплывают ослепляющие станции-точки, будто кто-то неизвестный передаёт мне из законной пустоты отчаянное сообщение: и не разгадать – какое. Под эту диковинную азбуку морзе и уютное чухчуханье колёс я опять засыпаю, а утром мы оказываемся в Москве, где нас встречают мамыны родители. Бабушка охает, целует меня и плачет. Дедушка колетса пахнущими табачным дымом усами и обнимается с папой.

Метро! Мороженое! И самая большая в стране библиотека, куда мы идём с дедушкой-профессором: в отличие от меня – настоящим. А там дворцовые люстры и двухэтажные окна. Высокие и узкие книжные шкафы, таинственно поблёскивающие моноклями стёкол в простенках. Амфитеатры, арки, лестницы, темнеющие колонны. Внимательные затылки, склонившиеся над полированными столами. И ты совсем не чувствуешь времени, будто обесцвеченного странным солнцем и пылью-пыльцой с крыльев-обложек книг, которые помнят прикосновения миллионов пальцев: гулкий древний механизм поднимает их из межзвёздных пространств загадочных библиотечных хранилищ.

Ещё одно потрясение: в бесконечных залах бессчётное число библиотекарей! Они строго улыбаются моему деду и говорят одними губами: «Вообще-то детям сюда нельзя», но дедушка обещает, что я буду тише травы.

Вечером папа берёт меня к своему товарищу, и они, закусывая, вспоминают бравую юность. А за круглым столом у окна, обложившись учебниками, сидит девочка: готовит уроки. Девчонка, как девчонка, ничего особенного. Но у меня горят уши и жжётся в животе. У неё чуть удлинённое бледное лицо и громадные серые глаза – как у марсианки Аэлиты. Ощущая мой взгляд, девочка недовольно и смущённо оборачивается: «Мальчик, ты мне мешаешь. Не смотри, пожалуйста». А я не могу ничего ей ответить – и не смотреть на неё не могу. Товарищ толкает папу в бок: «Твой Мишка в мою Альку влюбился», – и оба смеются. А я снова оглушён. Алька? Аэлита!

На следующий день мы уезжаем домой: трёхдневный папин отпуск закончился. Я не сплю – вглядываюсь в законную пустоту. И когда вслед за длинными тире крошечной черноты выплывают ослепляющие станции-точки, моё сердце в ответ отчаянно выстукивает собственную азбуку морзе: «Алька, Алька, Алька...»

Только кому об этом расскажешь? Взрослым (даже Олесе Казимировне) говорить про Альку-Аэлиту почему-то немислимо. А Саньке – стыдно: он станет смеяться да про пушкинскую Татьяну противно петь. Я решил открыть душу Соне: она настоящий друг – и девочка. А девочки про любовь всё-всё понимают. Но та повела себя странно: покраснела, потом ударила меня ранцем по голове и убежала. Сумасшедшая какая-то. А главное – с тех пор нашей дружбе пришёл конец. При нечаянных встречах в магазине, сжимая кирпичик хлеба, – или на улице – она от меня отворачивалась. И даже на Мухавец не бегала, хотя такая теплынь наступила, что все ребята не вылезали из воды.

Сонькины библиотечные книжки принёс рыжий Саня. Я его догнал, чтобы он нас помирил. А Санька посмотрел на меня, как на маленького: «Ты что, совсем дурак? Соня ведь тебя любит ещё с позапрошлого года!»

Вот засада! Летние каникулы в самом разгаре: жить бы да радоваться. Купаться в речке до гусиной замёрзшей кожицы. Носиться в искрящемся облаке ливня, разбивая пятками лужи. Строить с ребятами – и Соней – шалаши на островах. Печь в костре картошку, оставляющую на щеках угольные поцелуи. А вместо этого Соня не выходит из дома, чтобы случайно не встретиться со мной.

А я сижу в библиотеке, зачитывая до дыр «Аэлиту». Олеся Казимировна вздыхает, думая, что я не вижу. Наверное, вспоминает погибшего сына, когда ему было двенадцать. Может, он даже страдал, как и я: любовь

далеко и ничего о нём не знает, а от дружбы остались рожки да ножки. Ну разве я виноват, что Сонька насмерть влюбилась в меня, а не в Саню, который давно её любит, а я навечно полюбил Альку-Аэлиту!

Каждый день я прихожу в библиотеку: торопливо глотаю горячую толчёнку с зелёными снежинками укропа, дымящуюся туманным облачком ароматного пара; драю дощатые полы, как матрос на подлодке; варю густую кашу из клейстера из пшеничной муки на крошечной печке, чтобы подклеить оторванные книжные корешки; протираю окошки; меняю воду в цветочных вазах – Олеся Казимировна любит луговые цветы. Но сначала я иду на берег Мухавца – он зелёный от отражающихся деревьев и ослепляющих бликов-солнышек, – и собираю отважные столбики тимopheевки, синие и сиреневые колокольчики медуницы, глазастые звёздочки степной астры, фиалки, купальницы, полевичку, тонконогие васильки. Несу два букета: необхватный для Олеси Казимировны – и маленький для Сони, с которой нас сумела помирить старушка-библиотекарша.

А переделав обычные дела, я всегда достаю с полки зачитанную до дыр «Аэлиту» и забираюсь с ногами на подоконник: знакомые наизусть строчки, которые стали для меня дорожкой жизни, волнуяще бегут, как чёрно-белые точки-тире заоконной морзянки. Солнце, не торопясь, становится закатным: васильковое небо бледнеет и краснеет, как влюблённая девчонка; горизонт окрашивают оранжево-серые облака; начинает темнеть; сонно твякают добродушные собаки.

Я ставлю книгу на место, не забывая сделать новую запись в своём формуляре: он уже сам похож на растрёпанный ухватистый том. Открываю последнюю страничку, торопливо пишу и убираю библиотечный документ подальше, стараясь не взглянуть нечаянно на титул, куда Олеся Казимировна давным-давно внесла мои личные данные: когда родился, где проживаю и тому подобное. Там, ниже всех аккуратных круглых строчек, написано: «Умер в июне 1941 года в Брестской крепости».

Двадцать второго июня, когда птичья оглушительность рассвета и торжественно поднимающийся за ним прекрасный новый летний день ещё не растолкали похрапывающих тёплыми калачиками дворовых собак, а все мальчишки и девчонки крепче уткнулись в свои сладкие от снов ситцевые подушки, – по нам был открыт ураганный артиллерийский огонь. Через восемь минут начался штурм, который прокатился до Северных ворот. Но фашисты смогли закрепиться только на нескольких участках Цитадели. Отец героически удерживал Тереспольские ворота. Он и его бойцы, мама с моей новорожденной сестрёнкой, Санька с Соней и я, Ольга Казимировна и ещё почти девять тысяч человек навсегда остались в Брестской крепости. Кто не умер сразу, отчаянно сопротивлялись. Последние семь русских бойцов погибли в июле.

И все мы однажды снова проснулись здесь: было лето, в безоблачном небе ныряли чёрные стрижи и хохлатые жаворонки; июньский Мухавец сиял от солнца; деревья на берегу ласково шумели. И до ужаса хотелось искупаться. Мы живём и живём: нормально. Только скучновато. А скажите, кому не надоест проживать всё время один и тот же день, который в реальности никогда не наступил?

У мамы каждое утро убегает молоко с печки, и ей приходится варить девятимесячной Маше новую манную кашу. Папа проводит учения. Мы с ребятами купаемся в речке. А вечером я собираю луговые цветы и иду в библиотеку помогать Олеся Казимировне, чьи муж и сын погибли в небе Испании (они были лётчиками), а потом забираюсь с ногами на подоконник читать «Аэлиту». Наш мир похож на беспомощную первобытную муху, которая навеки застыла внутри окаменевшей смолы. Мы занимаемся привычными делами. Разговариваем. Едим. Видим сны. И это самое захватывающее в здешней жизни.

В отличие от единственного дня двадцать второго июня, который бесконечно растянулся для всех, кто погиб в Брестской крепости, сны нам снятся необыкновенные и многоэтажные: как первый в стране «тучерез» ещё дореволюционной постройки, где жили мои московские дедушка-профессор и профессорша-бабушка. И когда весной 41-го мы с папой останавливались у маминих родителей, я замирал от ужаса и счастья: гремющий лифт уносил меня на седьмое небо (на их седьмой этаж).

Засыпая, я каждый раз вхожу в кабину такого же лифта. Только он диковинный и движется не вверх-вниз, а по непонятным траекториям, хаотично дёргающимся в пространстве и времени. Но пока не наступит рассвет, никто из нас не может проснуться, продолжая перемещаться с этажа на этаж. И на каждом из них находится целый мир – волнующий и странный, знакомый и чужой. А я и сам не знаю, в какой из них попаду, открыв очередную дверь своего сна.

Вдруг лифт останавливается, толкнувшись, как сердце. Двери медленно открываются, а там: страшное, яркое, белое июньское солнце и оглушительный грохот взрываемого войной живого мира. Но неожиданно кто-то будто выключает все звуки. Только от этого становится ещё страшнее.

Я опять это вижу – каждую ночь! Неподвижные васильковые глаза. Красную от крови стриженую рыжую макушку. Мёртвую Соню. Маму и Машку. И что есть силы бегу обратно к лифту, с осязательным усилием продавливаясь через раздирающее лёгкие и выжигающее глаза огнедышащее белое безмолвие. Двери лифта дружелюбно чмокают, и он переносит меня на новый этаж, где я начинаю успокаиваться: Белый Клык осторожно лижет мою заплаканную щёку.

Я и рад бы никогда больше не видеть, как все умерли, но почему-то странный лифт каждую ночь делает остановку на этом жутком этаже. Зато на других меня ждут и встречают давние друзья – герои любимых книжек. А однажды я даже оказался на Марсе в необычной роще с лазоревой листвой, где советский инженер Лось впервые увидел Аэлилу – нежную девушку с чуть удлинённым бело-голубым лицом и огромными зрачками пепельных глаз. При помощи туманного шара марсиане научили меня своему языку, и я узнал, что все они потомки знаменитой межзвёздной пары.

Но самым классным в бесконечном скольжении между этажами снов, которые всё время менялись местами и оказывались совсем не тем, чем казались, – было летать. Нет, я, конечно, летал во сне, когда был живым мальчиком. Но после смерти я довёл это чудеснейшее умение до совершенства: мне достаточно было просто сомкнуть ресницы, и я уже уносился вверх – из своего уютно свернувшегося под одеялом тела, по стремительному туннелю, похожему на бешеный серебряный водоворот.

И вот я уже стою на улице своего детства. Вокруг ни души. Темно и тревожно – словно что-то неотвратимое, готовое схватить и уничтожить, терпеливо поджидает меня именно тут. И ни одного фонаря не горит! А вместо неба, на котором по логике должны быть луна и звёзды, какое-то низкое, чёрное, жадно пульсирующее Ничто. Я понимаю, что если прямо сейчас отсюда не улечу, то со мною случится что-то по-настоящему непоправимое, но ноги стали безумно тяжёлыми и будто чужими – еле-еле отрываются от земли. И всё-таки я взлетаю. Сначала совсем невысоко, всем телом чувствуя, как в меня изо всех сил вцепляется земное притяжение – даже трудно пошевелиться.

Но я справляюсь (всё-таки у мёртвых есть свои преимущества), стряхивая его с себя, как щенка воду, и делаю пробный кружочек над весенней Юргой, погружённой в тишину, печаль и темноту наступившей ночи. И хотя эта тишина кажется почти абсолютной, а печаль практически безысходной, сама темнота остаётся условной – просвеченной внезапно, откуда ни возьмись, появившимися низкими звёздами, луной и отважными городскими фонарями. Правда, на улицах по-прежнему никого нет, а из пустых чёрных подворотен на меня неотрывно глядит всё тот же ужас. Но мне это уже до лампочки, потому что, попробуй теперь, стащи меня назад – с неба на землю!

Немного покружив, чтобы привыкнуть к лёгкому всемогуществу своего полёта, я сажусь на жёсткий жестяной подоконник, облупленный и заново покрытый бугрящейся краской. Когда мы здесь жили – таких подоконников и домов на станции не было. Эта Юрга, какой она стала сейчас, – настоящий город! И я осторожно вжимаюсь в чужую

оконную раму, смотря на пустую улицу, где тихий ночной ветерок лениво перебирает траву и листья поникших клёнов, как лёгкие страницы школьных тетрадок, исписанных аккуратными уравнениями.

Но нельзя же вечно торчать в постороннем для тебя окне – неровен час, проснутся живущие внутри люди и начнут бегать мимо и хлопать от страха крыльями. Так что я взываю в тёплое печальное небо. Огоньки фонарей, будто хлебные крошки мальчишки Гензель, выводят меня из тёмного страшноватого леса уснувшего города – туда, где блестит в неровном свете мерцающих звёзд бегущая меж берегов широкая река. А я весело мчусь, следуя её изгибам, то приближаясь к своему отражению, стремительно вырастающему из водной глади, то удаляясь от него, то касаясь упругих веток плакучих ив, остро и так беспомощно пахнущих водой и весною, то поднимаясь к влажным клочковатым облакам, нежно укутавшим тихую грустную землю.

Возвращаюсь в город и вновь кружусь над неузнаваемо изменившимися улицами. Одноногие фонари льют какой-то бумажный свет, который бескомпромиссно делит мир на чёрное и белое (так ещё делают хрупкие страницы милых детских книжек). Сладко пахнущие мартовские сумерки плывут и дробятся дождём. Интересно, а если кто-нибудь сейчас проснётся и выглянет в окно, он меня увидит? Как я старательно вышагиваю по небу, сжимая в пальцах месяц белоснежный, чтобы его тревожным нежным краем срезать привязанные к ниткам звёзды.

А на настоящей спящей земле в это время звездопад; и как только очередная звезда падает вниз – сбывается бесхитрое желание ещё одного мальчика, сияющее синим в его снах. Все улицы заплаканы беспомощным дождём, но я-то чувствую идущее дыхание весёлого, шумного, нового лета. Только не такого, как в нашем странном застывшем мире двадцать второго июня, а настоящего.

Жаль, что нельзя здесь остаться – я всегда просыпаюсь, слыша оглушительное пение хохлатых жаворонков, купающихся в ещё бледном васильковом небе. Мама уже на кухне – варит для Маши кашу – и снова горестно ойкает, когда та подгорает. Ну что тут поделаешь? Она каждый раз заглядывается в окно, мимо которого идёт спешащий на учения папа, – и молоко опять пузырится и шипит, сбегаая на печку.

А рыжий Саня кричит, завидев мою заспанную физиономию: «Айда на речку!» Рядом с ним, стесняясь, переминается с ноги на ногу Соня, – и стоят все наши. Мы сигаем с разбегу вниз с подъёмных мостов и добираемся вплавь до островков, чтобы строить там из подобранных веток индейские вигвамы-шалаша, как у Фенимора Купера. А потом я спешу в библиотеку, где меня ждёт Олеся

Казимировна. Переделав все привычные дела, я погружаюсь в чтение: старушка-библиотекарша с молодыми васильковыми глазами и собранными в белоснежный пучок старыми волосами смеётся, что я зачитал эту книжку до дыр.

Просто я люблю фантастику – и могу бесконечно читать, как мы с Алькой-Аэлитой выросли и поженились. И у нас родились дети. Они тоже выросли и поженились – и родили детей. И так было классно жить и стареть вместе. В прекрасном живом мире, где никогда не было войны.

Наталья РЕЗНИЧЕНКО

Сеня

(фантазии на библиотечные темы)

Ирина Петровна закрыла дверь за последним сотрудником и вздохнула. «Работать ещё четыре часа, – подумалось ей, – а разговор дальше откладывать нельзя!». Вообще-то вторые смены она любила, ей нравилась тишина и полумрак хранилища, длинные стеллажи книг и та магия, которая наступала, как ей казалось, когда уходил последний работник, и она оставалась один на один с книгами. Сегодня особый день, ей предстояло принять нелёгкое решение и от этого портилось настроение, и магия вечера куда-то уходила. Ирина Петровна оглядела рабочую зону, включила на пульте кнопку сигнала оповещения о требованиях и пошла вглубь хранилища, на ходу прикидывая с чего лучше начать трудный разговор. В другое время она бы радовалась предстоящему свиданию, ведь сегодня придёт Сеня – легендарный библиотечный кот, который жил в библиотеке без малого 80 лет. Слухи о нём ходили самые разные, доподлинно о существовании Сени знали только три человека: директор библиотеки, прежняя заведующая отделом, которая уволилась год назад, и Ирина Петровна. Регулярно встречалась с Сеней только Ирина Петровна. Встреч с остальными работниками он тщательно избегал, причину подобного поведения не знал никто. Сеня никогда не объяснял своих поступков.

История появления Сени в библиотеке стала уже легендой. В конце 30-х годов тогдашняя заведующая библиотекой привезла маленького котёнка из родной деревни с чисто практической целью – ловить мышей. Библиотека тогда располагалась в обычном бревенчатом доме, и мыши были настоящей проблемой для работников библиотеки. Белого котёнка назвали стандартно – Снежком, но имя не прижилось. Котёнок не хотел на него отзываться и всячески показывал, что крайне недоволен прозвищем. Весь рабочий день котёнок проводил в прихожей или, как тогда говорили, сенях дома, встречая читателей. Кто-то из

читателей предложил назвать его Сеней, и неожиданно имя усатому понравилось, вероятно, отвечало его собственной самооценке. Мышей Сеня ловил исправно, но складывал их строго под столом заведующей, вероятно, решив, что должен ежедневно отчитываться перед начальством о проделанной работе.

В библиотеке кот прожил 20 лет, а потом просто не вернулся с ночной прогулки. Вечером как обычно ушёл на охоту, а утром его не дозвались. Библиотекарям особо некогда было искать кота, т. к. в это время переезжали в новое здание, старое подлежало сносу. Горевали, конечно, сильно, но недолго – в новом здании Сеня появился ровно через полгода после переезда, почему-то в отделе книгохранения. Первой кота заметила самая пожилая работница отдела, когда расставляла книги в дальнем хранилище. Елену Владимировну чуть не хватил инфаркт, когда перед ней возник призрачный белый кот и приветливо начал тереться об ноги. Она была женщиной практичной и здравомыслящей, в привидения и прочую мистику не верила, а потому решила, что Сеня просто вернулся на рабочее место. Но, когда вместо того чтобы пойти за ней, кот просто растворился в воздухе, Елена Владимировна решила, что пора доложить обо всём начальству. Пожилой женщине никто не поверил, все списали на возраст, богатое воображение и то, что с Сеней та проработала всю жизнь.

Второй раз кот попался на глаза заведующей отделом, и номер с богатым воображением не прошёл. На секретном заседании работников отдела было решено хранить секрет от вышестоящего начальства, тем более что выше хранилища Сеня не поднимался.

Так и повелось, что всех новых работников отдела, через месяц после устройства на работу, представляли Сене. Кого-то он принимал, кого-то нет, и если новый работник коту не нравился, то Сеня делал всё, чтобы этот работник покинул отдел, так или иначе. Время шло, старые работники уходили, приходили молодые и постепенно Сеня стал сам выбирать – с кем ему знакомиться, а с кем нет. Ирина Петровна познакомилась с Сеней через два месяца после устройства на работу в хранилище. Ей тогда было чуть больше двадцати лет, и, в силу возраста, в сказки и привидения она ещё верила. Единственное, что Ирина (тогда ещё Ирина) сделала, – это подошла к старейшей сотруднице отдела и спросила, когда та последний раз разговаривала с котом.

– С кем разговаривала? – изумилась Валентина Михайловна.

– Да с Сеней же, – тоже удивилась Ирина.

– А он что ещё и разговаривать умеет?

– А разве нет? – растерянно спросила Ирина. – Мы с ним так мило беседовали, честное слово, я решила, что если он библиотечное привидение, то и разговаривать должен уметь.

– Странно, – протянула Валентина Михайловна, – со мной он беседы не ведёт, наверное, ты ему приглянулась, смотри, оправдай доверие, такая честь не каждому оказывается.

– Я постараюсь, – улыбнулась Ирина, – уж больно мне Сеня понравился.

С тех пор прошло более тридцати лет. Юная девушка Ирина превратилась в солидную женщину Ирину Петровну, и только Сеня ничуть не изменился. У них с Ириной Петровной даже сложился некий ритуал: каждый второй четверг встречаться часиков так в шесть вечера в дальнем хранилище и делиться новостями. Частенько Сеня знал библиотечные новости даже более подробно, чем Ирина Петровна, до которой они доходили лишь обрывками.

С нынешним директором библиотеки Сеня столкнулся случайно. Однажды, когда Ирина Петровна работала в вечернюю смену, в хранилище заглянул директор.

– Иришка, привет! – жизнерадостно приветствовал он Ирину Петровну.

– Привет, Иваныч! Чего хотел? – отозвалась та. С Дмитрием Ивановичем она училась на одном факультете библиотечного института и, когда рядом не было посторонних, могла позволить себе фамильярность.

– У тебя есть что-нибудь из новенького почитать, желательно детективного? – в тоне Дмитрия Ивановича появились просящие нотки. Он знал, что Ирина Петровна не любила подобных наскоков.

– Слушай, я одна, сопровождать тебя мне некогда, возьми сам на полке, недавно пришли новые романы Абдуллаева, – она сунула директору несколько заменителей и показала куда идти, – требования я потом сама напишу!

Про Сеню в этот момент Ирина Петровна совершенно забыла. Дмитрия Ивановича не было довольно долго, за это время она успела выполнить требования, заполнить статистику и даже поставить чайник, рассчитывая выпить чаю со старым приятелем. Вернулся директор без книг и какой-то задумчивый.

– Что ничего не понравилось? – искренне огорчилась Ирина Петровна.

– Дело не в этом, – отмахнулся тот, – у вас там такой кот интересный! Он сначала меня к полкам не пускал, а потом снизошёл до разговора, извинился за грубость, и мы с ним даже немного поспорили из-за того, кто победит на предстоящих выборах в Украине. Представляешь?!

– Как, ты видел Сеню!!! – обмерла Ирина Петровна. – И что ты теперь делать будешь?

– А что надо что-то делать? – удивился Дмитрий Иванович, – меня лично всё устраивает. У меня в библиотеке есть настоящее привидение! Да не какое-то никчemuшное, а настоящий учёный кот! Это же здорово!

– Я тебя прошу, – взмолилась Ирина Петровна, – не вздумай делать из этого сенсацию! Сеня не любит шума! Он уйдёт, совсем! Он меня уже предупреждал!

– Да понял я уже! – директор с досадой махнул рукой. – Меня он тоже сразу предупредил, что первый корреспондент переступивший порог хранилища в поисках уникального библиотечного привидения, уйдёт ни с чем, а его, т.е. Сеню, больше никто никогда не увидит! Это, конечно, печально, но я вынужден был принять его условия, уж больно собеседник интересный, да и он же живая история библиотеки, многих работников знал и помнит очень хорошо. Мы с ним договорились, что я буду советоваться с ним по некоторым кадровым вопросам. Так что, Петровна, можешь не переживать, никто о твоём драгоценном Сене не узнает без большой надобности!

– Ну и хорошо, – Ирина Петровна вздохнула с облегчением.

С момента этой встречи прошло пять лет, Дмитрий Иванович держал слово, в прессу информация о Сене не просочилась. В библиотечных же кругах слухи ходили самые разные, и во время массовых мероприятий, когда на время открывались двери хранилища для посторонних, особо любопытные пытались прочесать его территорию вдоль и поперек в поисках привидения. Совершенно безрезультатно, конечно, Сеня в таких случаях предпочитал не показываться.

И вот сегодня Ирине Петровне предстоит сообщить Сене неприятную новость.

– Никак уходить собралась? – вместо приветствия ехидно спросил Сеня, неожиданно появляясь из-за стеллажа.

– Да, – вздохнула Ирина Петровна, – давно собиралась, а тут дочка рожать надумала, помощь моя нужна будет, да и вообще, устала я что-то...

– Ну, это дело естественное, все когда-то уходят, – философски заметил Сеня. – А меня на кого оставишь?

– Вот я и пришла с тобой посоветоваться. Как ты думаешь, может, Виллене Максимовне тебя передать? Она грамотный специалист, да и в отделе давно работает...

– Только не Виленке, – отмахнулся Сеня, – специалист она, может, и хороший, но карьеристка ещё та, живо из меня ходячую сенсацию сделает. Познакомь меня лучше с Настей.

– С Настей?! – изумилась Ирина Петровна. – Она же работает без года неделю, молоденькая совсем, в институт только-только поступила. Почему с ней?

– Вообще-то я не хочу ничего объяснять, – грустно заметил Сеня, – но я тебя очень люблю и мне так грустно, что ты уходишь... Ладно, так и быть, расскажу тебе что почём. Настя – она очень душевная и добрая девушка, которая любит свою работу не за деньги и будущие почести,

а просто так. Я давно за ней наблюдаю, когда она расставляет книги. Представляешь, Настя с каждой книгой разговаривает, прежде чем поставить её на полку! Я такого уже давно не видел, честно говоря, думал, что нынешняя молодежь, испорченная интернетом, не способна на это. Думаю, нам с ней будет о чём поговорить после того, как ты уйдёшь.

– Ладно, – согласилась Ирина Петровна, – я понаблюдаю за ней и через месяц познакомлю вас, если всё будет в порядке.

Весь следующий месяц Ирина Петровна потихоньку наблюдала за работой молодой сотрудницы отдела Насти Скворцовой. К своему удовольствию очень скоро она убедилась, что Сеня во многом оказался прав. Настя очень старательно исполняла всё, что ей поручали, не боялась спрашивать, когда чего-то не понимала или не знала. И самое главное – не была равнодушной! Однажды им сдали книги с абонемента в таком виде, что их страшно было взять в руки, порванные, кое-как заклеенные скотчем. Настя возмутилась, сходила на абонемент, выяснила фамилию читателя, который сдал книги в таком виде, и добилась того, чтобы этого читателя внесли в чёрный список лиц, которым не выдаются книги из хранилища. Всё это было сделано, разумеется, с ведома начальника отдела, но инициатором всех действий была Настя.

Через месяц наблюдений Ирина Петровна специально поменяла смены, так чтобы работать с Настей вместе вечером, и сказала той, что хочет познакомить её с кем-то.

– А может не надо, – испуганно спросила Настя, – я боюсь!

– Чего ты испугалась, глупышка, – рассмеялась Ирина Петровна. – Сеня не кусается, он мягкий и пушистый! В прямом и переносном смысле слова!

– Ага, очень мягкий, – возразила Настя, – мне Ленка из краеведческого рассказывала, как после месяца работы в вашем отделе, на неё книги с полок стали падать, прямо на голову! И голоса по вечерам она слышала в дальнем хранилище! Прямо жуть!

– А Ленка тебе не рассказывала, сколько раз она книги не на ту полку ставила, – рассердилась Ирина Петровна, – после её ухода мы ещё полгода эти художества расхлебывали! Вот Сеня и наказал её за халатность. Строгий он очень, это да! Ладно, не трусь, пошли знакомиться!

Вот и состоялось это знакомство. Вопреки опасениям Ирины Петровны, всё прошло очень гладко, стороны друг другу понравились и даже сразу подружились.

– Вы знаете, а он классный! – восторгалась Настя. – И вовсе не страшный! Такой мягкий, пушистый и красивый! Я теперь домой себе такого же кота заведу! Он тоже Сеня будет!

– А не перебор? – засмеялась Ирина Петровна. – На работе Сеня, дома – опять Сеня. Не запутаешься?

– Нет, не запутаюсь, – улыбнулась Настя, – у меня будущего мужа Семёном зовут. Месяц назад заявление подали, через неделю свадьба!

– Ну ты даёшь! – расхохоталась Ирина Петровна. – Молодец, девочка!

На душе у Ирины Петровны было хорошо и спокойно. Её ненаглядный библиотечный кот пристроен в надёжные руки. Почему-то она была уверена, что Настя не даст Сеню в обиду, и они ещё долгие годы проработают вместе в родном хранилище, даря читателям ни с чем несравнимую радость общения с настоящей книгой.

Татьяна ПОПОВА

Новая версия

Машина («самая надёжная модель, вам будет жалко возвращать её назад») заглохла «на ровном месте». Впрочем, на высоте более двух тысяч метров идиома о ровном месте явно «не к месту». Олеся ещё раз попыталась запустить двигатель. За окном в быстро подступающей тьме проносились и ныряли в бездну полчища отчаянных снежинок. А что, если бы мотор не заглох, а, напротив, взревел и всеми своими лошадиными силами увлёк автомобиль вместе с Олесей за ненадёжную оградительную полосу? Может, это – желанный выход?

Странно, но больше всего Олеся переживала не измену мужа, а банальность случившегося и несвойственные ей, умной, сильной, деловой женщине, слепоту и наивность. В Швейцарию она сбежала не от сочувствующих или злорадных взглядов знакомых и коллег, а от себя. Но десятидневный отдых в альпийских декорациях не дал желаемого результата. Она по-прежнему вела нескончаемый диалог с призраком мужа и не могла выкинуть из памяти фотографию в Фейсбуке: двадцатилетняя хорошенькая худышка старательно выпячивает разрисованный «под арбуз» округлившийся животик. «Художник-декоратор» с умилением смотрит на результаты своей работы: картинку на животе и, собственно, сам живот. И не поверишь, что это он на протяжении семи лет брака уговаривал Олесю повременить с продолжением рода, пока...

Олеся вздрогнула от стука в окно автомобиля.

– Вам помочь? – средних лет крепыш, судя по акценту – американец, приветливо улыбался Олеся. Помочь, как выяснилось через полчаса, так и не смог, зато любезно предложил место в машине, на переднем сидении которой устроился хмурый подросток в наушниках.

– Вы не знаете, куда попали и где находитесь? Я тоже, – сообщил американец, осторожно ведя автомобиль по горной дороге, – навигатор не работает, мобильной связи нет. Может, дело в непогоде? Но дорога

вроде расчищена, значит, где-то поблизости деревня или шале. Меня зовут Билл, а это Кевин, мой сын, ему скоро четырнадцать. Трудный возраст.

Через час совсем стемнело, непогода родила настоящую вьюгу. Снег почти скрывал дорогу, и Олеся уже не верила, что они доберутся до жилья прежде, чем движение станет невозможным. И тут они выехали на развилку. Неширокая полоса разделялась на две узкие, одна из которых уходила влево и немного вниз, а другая, правая, явно устремлялась вверх.

Билл остановил машину. Задремавший Кевин встрепенулся, посмотрел в окно, потом на отца, оглянулся на Олеся и снова погрузился в параллельную рок-реальность.

– Я думаю, нам нужно ехать по левой дороге, – сказал Билл. Олеся промолчала, почувствовав вдруг, как страшно устала. Она уже не могла что-то доказывать мужу, укорять себя или размышлять о возможности окончательного решения всех проблем с помощью альпийской бездны. Хотелось лишь обжигающе горячего чая и постель, пусть не мягкую, но тёплую.

Не дождавшись от спутников ответа или совета, Билл повернул влево. И тут же ударил по тормозам, ослеплённый светом фар. Встречный автомобиль тоже остановился. Стекло поехало вниз. Холодный ветер кинул горсть снежинок в и без того белые, как воротник дедморозовой шубы, волосы водителя.

– Там тупик! – выкрикнул незнакомец по-французски. – Нужно ехать вверх! Сен-Либрари в трёх километрах отсюда.

Жерар (так звали водителя встречной машины) не обманул: не прошло и получаса, как Олеся сидела в тёплом кресле у камина с чашкой горячего шоколада в руках. В маленьком отеле быстро справились с нашествием гостей. Правда, Жерару и Олесе пришлось подождать, пока Мари, хозяйка, приготовит к заселению одноместные номера. Биллу и Кевину повезло больше: их уже повёл в двухместный номер Морис, муж Мари.

Олеся не заметила, как задремала. А проснувшись, не сразу смогла понять, куда попала. Комната у камина, румяный здоровяк за стойкой колдует над коктейлем и тихо беседует с седым мужчиной в синем свитере с зимним орнаментом. За окном, разрисованным морозными узорами, чёрная ночь и белый снег. Ах да, отель в деревушке... как там её? Впрочем, какая разница. Нужно узнать, куда позвонить, чтобы вызволить и починить заглохшую машину, и утром уехать назад, в город.

– К сожалению, мобильной связи и интернета всё ещё нет, – сказал, виновато улыбнувшись, Морис, – не волнуйтесь об автомобиле, мой сын займётся этим, как только утихнет буря.

– А утихнет она нескоро, – подал голос Жерар.

– Да, обычно такие бури длятся не меньше трёх дней. Сегодня – первый. Вы можете пройти в номер, – Морис протянул Олесе ключ, –

по лестнице на второй этаж, комната справа. Раковина и туалет в номере, ванная в конце коридора. Но не волнуйтесь, кроме вашего на втором этаже лишь один номер, там живет мадам Ван, очень спокойная дама.

Три дня в деревушке в горах? Без связи и интернета? Наверное, Олеся должна была расстроиться, но, как не странно, перспектива альпийского плена её не пугала.

– Мадам Ван – из Китая? – почему-то поинтересовалась она происхождением незнакомой соседки по этажу. – Много ли ещё постояльцев в гостинице?

– Отель полностью заполнен. Мадам Ван из Шанхая, – Морис протянул коктейль Жерару, – кроме неё, вас, мсье Жерара и мистера Уилсона с сыном у нас сейчас гостит господин Гафур. За ужином, через полчаса, все соберутся.

«Прямо как в старых анекдотах, – думала Олеся, оглядывая собравшуюся за столом компанию, – встретились в швейцарской деревне русская, китайка, француз, американцы и араб...»

Языком общения стал английский. Морис и Мари объяснялись на английском вполне прилично, Жерар, смешно коверкая слова, сыпал байками наперегонки с румяным после бокала глинтвейна Биллом. Мадам Ван с удовольствием слушала и улыбалась. Гафур, похожий на принца из арабской сказки, если бы не глаза, мрачные, как у уставшего от жизни старика, молчал и ел всё, что подавала на стол Мари, жестом отказываясь от предлагаемых Морисом напитков.

– Мой друг однажды проторчал у вас, в Сан-Либрари, неделю. Вы помните ту бурю, в 2011-м? – спросил у Мориса Жерар. – Друга зовут Рене, это он посоветовал мне ваш отель.

Друг посоветовал отель? Выходит, хотя бы один из них попал сюда неслучайно. Олеся хотела спросить, чем же так запал в душу друга Жерара Сен-Либрари, но не успела. Её опередил Кевин, до этого пребывающей в привычной нирване, источник которой, тяжелый рок, пробивался наружу из словно приросших к ушам подростка наушников.

– Это что ж, мы тут и неделю сидеть можем? Я сдохну в этой дыре без интернета! Что тут вообще можно делать?!

– Читать, – никто не ожидал, что возмущённому Кевину ответит молчаливая Мари, – в Сен-Либрари прекрасная библиотека. Мадам Ван, месье Гафур и месье Жерар тому свидетели.

– Библиотека? – в голосе Кевина отчетливо слышались нотки презрения, чуть ли не брезгливости. – Вы бы ещё предложили заняться вышиванием.

– Если ты предпочитаешь вышивать, я с удовольствием дам тебе свои иголки и нитки, – спокойная доброжелательность Мари была язвительнее самого изощренного сарказма. – Мсье Жерар, вас не

затруднит проводить мистера Билла, Кевина и мадам Олесю в библиотеку?

В библиотеку, так в библиотеку. Не в номере же сидеть. К тому же Олесе стало любопытно, каким собранием книг может похвастаться швейцарская глубинка. Французский она знала плохо, но, может быть, тут найдутся книги на английском?

Однако Кевина перспектива похода в библиотеку не устраивала. Реакция подростка оказалось столь бурной и неадекватной, что потрясла всех, кроме Билла. Олеся вспомнила, как в машине Билл что-то говорил о трудном возрасте. Похоже, это была не фигура речи и не добродушное ворчание счастливого отца, а прорвавшаяся на минуту сквозь привычную маску боль. Сейчас, когда Кевин запустил своим мобильником в стену и вылетел из комнаты, выкрикивая ругательства, Билл молча встал и пошёл за сыном. Олеся вдруг подумала, что неизменная улыбка Билла – вовсе не свидетельство хорошего настроения, а источник багрового румянца, скорее всего, не здоровье, а повышенное давление.

– Они вернутся, – ответила на не заданный никем вопрос Мари, – подождите немного, пойдёте все вместе.

И они вернулись. Первым пришёл Билл. Взял чашку у Мари, сел на своё место за длинным столом и, глядя на огонь в камине, сказал, не обращая ни к кому конкретно:

– Полтора года вот так. Всегда был нормальным ребенком, спокойным, весёлым, никаких проблем. А как тринадцать исполнилось – началось. Грубость, воровство, наркотики. Психологи говорят, нужно терпение. Психиатры не видят патологий. У нас ещё трое младших, оба работаем. Жена на пределе. Нет, уже за пределом. Я повёз его в Европу не потому, что надеялся... Я жене хотел дать передохнуть.

Билл замолчал, прислушиваясь. В глубине дома хлопнула дверь, и через несколько секунд на пороге гостиной появился Кевин. Подошёл к столу, допил колу из своего стакана, подобрал всё ещё валяющийся у стены мобильник и, не проверив, работает ли он, обратился к отцу:

– Ну, мы идём в эту чёртову библиотеку, или будем тут торчать?

Здание библиотеки находилось в двух шагах от отеля, на противоположной стороне маленькой площади. Однако преодолеть даже столь небольшое расстояние оказалось непросто: ветер сбивал с ног, снежинки, вдруг превратившись с ледяные пульки, ранили щёки и лоб. Жерар шёл впереди, за ним – Кевин, Билл и Олеся. Замыкал шествие так и не сказавший ни слова Гафур. Мадам Ван отказалась составить компанию: она взяла книгу из библиотеки перед ужином.

Жерар потянул массивную дверь одноэтажного каменного дома. Раздался мелодичный звон колокольчика, дверь распахнулась. Олеся не удивилась бы, увидев, что внутри здание освещается свечами. Но

нет: и небольшую прихожую, и читальный зал заливал электрический свет. Почему-то Олеся ожидала, что их встретит колоритный старик а-ля Дамблдор. Однако с деревянной стремянки у дальнего стеллажа спрыгнула невысокая стройная девушка, на вид чуть старше Кевина.

– Я как раз нашла вашу книгу, – девушка протянула Жерару увесистый том в кожаной обложке.

– А я привёл тебе новых читателей, Элиз.

– Отлично! – девушка улыбнулась Олесе, Биллу и Кевину, кивнув, как старому знакомому, Гафуру. Удивительно, но араб кивнул в ответ, и на его лице Олеся успела заметить слабое подобие ответной улыбки. Гафур и Жерар уселись в удобные кресла в противоположных концах читального зала и погрузились в чтение. Олеся не заметила, какую книгу и откуда взял Гафур.

– Книг на английском у нас много, они в соседней комнате, – обратилась Элиз к Биллу, – а вот обилием литературы на русском мы похвастаться не можем, всего один шкаф, вон там, у окна справа.

Заметив изумление на лице Олеси, Элиз звонко засмеялась и пояснила:

– Во-первых, в нашей деревне живёт тридцать семь человек, и скрыть тут невозможно даже вскочивший в самом укромном месте прыщик. А во-вторых, мне о новых постояльцах рассказали родители за обедом. Так что я знаю, что вы приехали из России, а Билл с Кевином – из Аризоны.

Ну, конечно, родители! Элиз – утончённая копия Мориса, только не с чёрными глазами, а с голубыми, как у Мари.

– Я другому удивляюсь, – добродушие Элиз располагало к откровенности, – тому, что в деревушке, где живёт тридцать семь человек, есть книги на разных языках. Кстати, мадам Ван и Гафур, они...

– Китайских книг у нас всего двадцать шесть, – не дожидаясь конца фразы, ответила Элиз, – а вот арабских больше, почти столько же, сколько русских. Есть даже старинное издание Корана, очень ценное. Ваше удивление вполне понятно. Библиотека Сен-Либрари – уникальна. Её начал собирать мой прапрадед, Кристоф. Никто не знает, откуда он приехал, и я думаю, что Кристоф – не настоящее имя. В конце девятнадцатого века тут жила только большая семья пастухов. Кристоф быстро подружился с главой семьи и сумел стать его незаменимым помощником. Он мало смыслил в животноводстве, зато умел буквально из ничего мастерить разные полезные в хозяйстве приспособления. А ещё он посоветовал моему прапрадеду построить гостевой дом. Тогда-то и появился в Сен-Либрари (так Кристоф назвал это место) наш семейный отель. И он редко пустовал и пустует, хотя когда-то мой прапрадед сильно сомневался, что найдутся чудаки, которые приедут смотреть на горы и коров.

Рассказ Элиз прервал Билл. Он вышел из соседней комнаты с двумя книгами в руках:

– Вот, мы выбрали. Можно взять книги с собой в отель?

Хм, выбор Кевина можно было предвидеть – «Гарри Поттер». Название второй книги Олеся не разглядела.

– Конечно, берите, – ответила Элиз.

Билл направился в прихожую, но тут из комнаты английской литературы выглянул Кевин:

– Пап, я останусь. Иди в отель, а я буду здесь читать.

Кевин забрал у отца свою книгу. Он не смотрел на Элиз, но Олеся не сомневалась в причине его нежелания уходить из библиотеки.

Когда входная дверь звоном колокольчика проводила Билла, а Кевин, чуть помедлив, исчез в «английской» комнате, Элиз продолжила рассказ:

– Кристоф привёз с собой в горы большой сундук. Дети, их в семье было много, тут же решили, что в сундуке – сокровища. Но там были книги. Мой прапрапрадед сказал жене и старшему сыну, что только блаженный потащит в горы сундук с книгами. А Кристоф в первый же вечер своего пребывания в семье уселся у очага и начал читать, вслух. Мне так и не удалось выяснить, что за книгу он читал. Но точно знаю, что уже через несколько минут чтение Кристофа слушали не только дети. С тех пор до самой смерти Кристофа каждый вечер вся семья собиралась вместе и слушала его чтение.

Вскоре Кристоф женился на дочери пастуха, у них родились дети. Старый пастух умер, хозяйство перешло к его старшему сыну, ставшему к тому времени лучшим другом Кристофа. Хозяйство, кстати, процветало, во многом благодаря нововведениям Кристофа. И книгам по сельскому хозяйству и сыроварению, которые он выписывал. Но куда больше Кристоф закупал для библиотеки других книг.

Да-да, настоящая библиотека появилась в Сен-Либрари в самом начале двадцатого века. Этот дом был построен специально для книг. С тех пор кто-то из членов семьи всегда работал библиотекарем. Сначала книги выдавал сам Кристоф, потом – его дочка, потом – мой дед. Получается, я – четвёртый библиотекарь Сен-Либрари.

– И все эти книги приобретены на средства вашей семьи?

– Да, – кивнула Элиз.

– Но... Я не понимаю. Вы же выдаёте книги бесплатно? И цены в отеле, я поинтересовалась, вполне демократичные. А книги стоят дорого. В чём же выгода?

– Скажу, не хвастаясь: наша семья, точнее, наш клан – достаточно богатые люди. Мои многочисленные дяди-тёти, кузены, братья и сёстры получили хорошее образование. Я, между прочим, окончила университет в Женеве. Некоторые наши родственники уехали из

Швейцарии, но многие продолжают работать на семейное дело. А книги... Они и не должны приносить доход. Это – совсем другое. Впрочем, – Элиз улыбнулась, – я отвлекаю вас от главного. Выберите книгу, она вас давно ждёт.

Олеся ещё о многом хотела расспросить Элиз, но девушка явно дала понять, что разговор закончен. Последняя фраза, о книге, которая ждёт Олесю, прозвучала как заклинание или напутствие.

Олеся послушно подошла к «русскому» шкафу. Семь полок плотно заставлены русской классикой: Достоевский, Чехов, Пушкин, Лермонтов, Толстой. Олеся выбрала «Войну и мир». В первый раз она жадно проглотила «мир», перелистывая, почти не читая, «войну», лет в одиннадцать. А потом перечитывала несколько раз.

Дома, в старом собрании сочинений, четыре коричневых тома с «Войной и миром» несколькими поколениями читателей были зачитаны до потёртостей. Но в библиотеке Сен-Лиברי томики благородного густо-красного цвета, похоже, ещё никто не открывал. И почему-то «Война и мир» состояла не из четырех, а из пяти томов. Наверное, пятый том – комментарии, может быть, критика и прочий «гарнир» к бессмертному творению великого старца.

Олеся села неподалёку от Жерара в кресло-качалку возле электрокамина (жаль, что не настоящий, как в гостиной отеля, но книги и живой огонь – опасное соседство) и начала чтение с последнего, пятого тома. Её ожидания не оправдались: никакого «гарнира». Перед ней – продолжение истории Наташи и Пьера, Николая и Марьи, их детей и внуков. Какой полоумный издатель отважился включить в собрание сочинений классика сиквел неизвестного автора?

Олеся подавила желание отбросить книгу. Нет, не так: как только она справилась с удивлением и возмущением и прочитала первую страницу, она вдруг снова почувствовала себя школьницей, навстречу которой с пожелтевших страниц старой книги выбежала кудрявая девочка в кисейной юбочке и кружевных панталончиках. Только теперь к ней пришла не юная графинюшка Ростова, а тридцатилетняя Мария, дочь Наташи и Пьера.

Олеся точно знала, что Толстой не писал продолжения великого романа. И при этом она могла бы поклясться, что каждая строчка в красном томике, лежащем на её коленях, написана Толстым. И точно так же, как когда-то Наташины мечты, наивные рассуждения и странные с точки зрения взрослых поступки непостижимым образом оказывались созвучны мыслям и желаниям девочки, разминувшейся с героиней Толстого на двести с лишним лет, так и сейчас тревоги и надежды Марии трогали самые сокровенные струны Олесиной души.

И душа отзывалась. Олеся вдруг поняла, нет, не поняла, а почувствовала, что душа её, после измены мужа сжавшаяся и иссохшая, как забытый на пляже под безжалостным солнцем кусочек морской губки, с каждой минутой, с каждой прочитанной строчкой набирает живительную влагу веры и любви. И оживает.

Голос Кевина разорвал библиотечную тишину так неожиданно и грубо, что Олеся вздрогнула и чуть не выронила из рук книгу.

– Я чё-то не понял, это какой Поттер? Я читал первую книгу, там всё по-другому было.

– Всё? Совсем всё по-другому? – Элиз спрашивала очень серьёзно и немного таинственно.

– Не, ну не всё, конечно. Но вот этот парень, в Хогвартсе, Смокки, его же не было раньше. Я не мог его забыть, других, может, и забыл бы, но такого – нет.

Олеся подумала, что сейчас Элиз спросит: «Какого такого?». Но девушка лишь пожала плечами, словно потеряв интерес к разговору и, отворачиваясь к полкам, на которых что-то искала, бросила безразличным тоном:

– Может, новая версия, точно не могу сказать.

Кевин ещё минуту-другую постоял, глядя, как Элиз то ли перебирает корешки книг, то ли гладит их узкой сильной ладонью, и снова скрылся в «английской комнате». Жерар, тоже ставший невольным свидетелем разговора, хмыкнул. Пожалуй, впервые после их встречи на горной дороге, он не улыбался и выглядел лет на десять старше. Почувствовав взгляд Олеси, Жерар повернулся к ней.

– А какую книгу читаете вы? – Олеся сомневалась, можно ли в библиотеке Сен-Либрари задавать подобные вопросы и ждать на них ответа, но не могла не спросить.

– Нгози Адичи Чимаманда «Половина жёлтого солнца».

– Я слышала про этот роман. Он на английском, ведь так?

– У меня – в переводе на французский.

– Тут и переводные книги есть?

– Конечно. Мадам Ван, например, выбрала «Элегантность ёжика» на китайском.

Олеся, не решившись задать другие вопросы, перевела взгляд на Гафура. Случайно или преднамеренно он сел так, что свет от лампы падал лишь на книгу, оставляя лицо скрытым в густой тени. Какой надлом или преступление привели его в Сен-Либрари? Как и чем ударила жизнь по записному оптимисту Жерару? Героиней какой трагедии или драмы стала скромнейшая мадам Ван?

Олеся была почти уверена в том, что любой читатель попадал, попадает и будет попадать в библиотеку Сен-Либрари неслучайно. И выбор книг,

и содержание «версий» predeterminedены. Кем? Может быть, тем, кто наложил семь печатей на Книгу, «написанную внутри и отвне». Когда-нибудь она попытается понять, какие пути ведут сюда людей. Но сейчас ей нужно успеть прочитать пять красных томов. С начала, вроде бы известного, но кто знает... И до конца, до последней точки.

Андрей СОБАКИН

Атланта

До закрытия библиотеки оставалось десять минут. Таня сидела за стойкой абонемента и, повернувшись боком на стуле, сортировала книги на специальной двухэтажной тележке, чтобы потом расставить их по местам на полках. Посетителей в библиотеке уже не было. За высоким окном, с чуть-чуть раздвинутыми занавесками, знойный и ослепительный июльский день успел смениться тёплым и светлым вечером.

– Тань, ты закроешь? – у стойки остановилась Маргарита. С сумочкой на плече, она уже явно направлялась домой.

– Хорошо, – кивнула Таня.

– Как успехи?.. – Маргарита заодно улыбнулась и даже чуть присела, чтобы заглянуть Тане в глаза.

– Какие успехи? – смутившись, махнула рукой Таня.

– Нет, я серьёзно, – сказала Маргарита. – В читальном зале ты точно никогда никого не найдёшь. Публика туда уж слишком специфичная ходит... А в абонементе шансов намного больше.

– Каких шансов? – улыбнулась Таня.

– Ну, ты же девушка молодая, красивая, гимнастикой занималась... – Маргарита даже чуть-чуть отстранилась, чтобы полюбоваться Таней как бы со стороны. – И всё никак не пристроенная...

– Рит, – негромко сказала Таня. – Не буду же я на посетителей набрасываться? Как ты себе это представляешь?

– Ну не на всех, конечно, и не набрасываться, – ответила Маргарита. – Но когда видишь и, главное, чувствуешь, что это то, что надо – можно тактично сделать первый шаг.

– Хорошо, – Таня засмеялась. – Если увижу – сделаю.

– А ты думала мой Сашка сам первый ко мне подошёл?.. – Маргарита посмотрела на часы. – Ой, мне уже бежать надо. Пока!

– Пока, – Таня проводила Маргариту взглядом и снова склонилась над тележкой с книгами.

Прошло несколько минут. Ничто не нарушало тишину вечерней библиотеки. Размышляя, в какую стопку положить справочник по палеозойским беспозвоночным, Таня внезапно почувствовала чьё-то присутствие – лёгкая, едва заметная тень легла на стойку. Маргарита

что-то забыла и вернулась? Подняв голову, Таня увидела возле стойки незнакомую девушку лет двадцати с какой-то книжкой в руке. Это её несколько удивило, потому что Таня была совершенно уверена, что в абонементе уже никого не осталось. Девушка улыбнулась и неуверенно сказала:

– Здравствуйте...

Таня сразу обратила внимание, что несмотря на жаркое лето, на девушке была короткая белая кожаная куртка... Впрочем, это только на первый взгляд казалось, что куртка была из кожи – кожа никогда бы не смогла выглядеть столь гибкой и подвижной. Это явно напоминало какую-то современную ткань, и, возможно, в такой куртке было совсем не жарко...

– Здравствуйте, – ответила Таня, повернувшись на стуле к посетительнице. – Берёте эту книгу? Дайте вашу карточку.

Девушка на мгновение задумалась. Её светлые-светлые волосы с чуть желтоватым отливом были аккуратно зачёсаны по бокам назад и наверх, оставляя шею открытой, а на лоб спадала симпатичная чёлка. Вся причёска удерживалась на затылке необычной заколкой.

– У меня нет карточки, – наконец сказала девушка.

Мысленно вздохнув, Таня краем глаза взглянула на часы – библиотека уже минуту как должна была быть закрыта.

– Тогда давайте сначала заведём вам карточку, – предложила Таня.

– Карточку? Зачем? – совершенно искренне удивилась девушка.

– Ну, вы же эту книгу взять хотите?

– Эту? – девушка посмотрела на книгу в своей руке и вдруг неожиданно совершенно искренне и радостно рассмеялась. – Нет, извините... Мне не нужно брать эту книгу.

– Тогда чего вы хотите? – озадаченно спросила Таня.

– Понимаете... – девушка доверительно склонилась над стойкой. – Мне нужна ваша помощь. Мне нужно найти одного человека.

– И как я могу вам в этом помочь? – Таня уже с некоторым подозрением разглядывала незнакомку.

– Он читатель, – сказала девушка. – Он взял одну книгу в вашей библиотеке, и я уверена, что у вас есть его координаты. Ну, адрес там или номер телефона...

– Вы знаете... – лицо Тани приняло нейтрально-отстранённое выражение. – Я не могу дать вам такую информацию.

– Почему? – чисто по-детски удивилась незнакомка.

– Ну, мы вообще никому не предоставляем такую информацию, – ответила Таня. – Я же даже не знаю, кто вы такая и как он... этот ваш человек... отнесётся, к тому, что я дам вам его адрес.

– Думаю, что он обрадуется.

– Вы в этом уверены? – про себя не исключая такой возможности, спросила Таня. – Вы с ним знакомы?

– В каком-то смысле да, – кивнула девушка. – Он мой читатель.

– Простите, что? – Тане показалось, что она ослышалась.

– Он мой читатель, – невозмутимо повторила незнакомка.

– То есть вы написали книгу... – задумалась Таня. – Он её прочитал, и вы считаете, что вы с ним знакомы? Кажется, обычно бывает наоборот – читатели пишут письма и хотят встретиться с писателями. Вы ничего не перепутали? И если не секрет: какую книгу вы написали?

– Книгу? Написала? – девушка почти фыркнула. – Нет, дело в том, что это про меня написали книгу. А он – один из читателей, который, скажем так, следил за моими приключениями... Поверьте, у меня вообще-то много читателей.

– И вы их всех потом разыскиваете? – с некоторой опаской спросила Таня.

В её голове уже довольно прочно обосновалось подозрение, что девушка была не так проста, как могло показаться, и что за весьма симпатичной внешностью скрывался не один диагноз из области психиатрии.

– Всех я, конечно, не разыскиваю, – ответила девушка. – Но это особый случай. Во-первых, он мне понравился... А во-вторых, с ним что-то случилось, и, возможно, ему срочно нужна моя помощь. Вот пока мы тут с вами теряем время, он...

– А откуда вы знаете, что с ним что-то случилось?

– Понимаете... – блондинка на мгновение задумалась и продолжила: – Он прервал чтение в очень захватывающий момент: я как раз отправила космический корабль обратно к Земле, а сама села в катер и начала спуск на планету... И тут он исчез! И я не знаю, что с ним случилось.

Таня с удивлением смотрела на незнакомку. Было совершенно непонятно, как на такое реагировать. Танин язык нашёлся первым и, прежде чем она успела его остановить, сказал:

– Может быть, он просто уснул?

В глазах незнакомки на мгновение вспыхнуло возмущение, но она быстро овладела собой и пробормотала:

– Уверена, что нет. Что-то случилось! Может, у него инфаркт, или на него кто-то напал?

– Извините, – Таня встала, вышла из-за стойки и остановилась прямо перед незнакомкой. – О какой книге мы с вами вообще говорим?

Девушка протянула ей книгу, которую держала в руке.

– Андрей Собакин, – негромко прочитала Таня, – «Приключения Аталанты. Аварийная посадка».

Книжка была не очень толстая, в твёрдой красочной обложке: красивая девушка в скафандре выглядывает из люка приземлившегося среди ледяных глыб космического катера; на заднем плане – тёмно-синее небо со всполохами полярного сияния...

Таня молча перевела взгляд на незнакомку. Та улыбнулась и кивнула:

– Да, я – это Аталанта.

– Что-то не очень похоже... – Таня несколько раз сравнила изображение на обложке со стоявшей перед ней девушкой.

– Такой меня увидел художник, – смущённо сказала Аталанта. – Вы же понимаете, что это рисунок, а не фотография?

– А вот такой вижу вас я? – и Таня показала ладонью на девушку.

– Нет... – Аталанта ещё больше смутилась. – Такой видел меня он... Ну, тот кому сейчас, возможно, нужна моя помощь. Так вы дадите мне его адрес?

– Послушайте... – Таня вернула книгу обратно девушке. – Вы серьёзно полагаете, что я во всё это поверю? Вроде взрослые все люди...

– Я вас не помню, – задумчиво сказала Аталанта и добавила полуутвердительно. – Вы не читали эту книгу?

– Я такой литературой не очень увлекаюсь, – ответила Таня. – И вообще, мне пора закрывать библиотеку. Время уже позднее, карточку заводить вы не хотите – по-моему, мы просто теряем время.

– Если что-то можно потерять, то значит это можно и найти, – сказала Аталанта. – Я так поняла, что вы мне не верите?

– Не верю! – твёрдо отозвалась Таня. – И давайте закончим этот странный разговор.

– Тогда давайте я дам прочитать как раз то место, на котором он исчез? – предложила Аталанта. – Он... То есть тот читатель... И вы сами увидите, что дело там не чисто, и что что-то чрезвычайное заставило его прервать чтение.

«Пожалуй, от этой психованной по-другому спокойно отвязаться не получится», – грустно подумала Таня и вслух сказала:

– Ладно, давайте мне это ваше место. Где оно там у вас?

Аталанта заметно обрадовалась, с первой же попытки раскрыла книгу на какой-то странице и протянула её Тане:

– Вот здесь, пожалуйста...

Книга казалась абсолютно новой. Бумага была плотной и ослепительно белой, а текст – очень отчётливым и даже каким-то объёмным. Таня начала читать...

«...Системы жизнеобеспечения корабля ещё функционировали, и искусственная гравитация пока прочно удерживала Аталанту на полу, мягком, чуть проминающемся под её ногами. Но теперь она знала, что всё кончено, и изменить что-либо было уже невозможно. Бродя по

доступным пока отсекам, Аталанта просталась с кораблём. Она остановилась у огромного, выше её роста, иллюминатора и посмотрела на сияющую голубую планету внизу. Что скрывалось там, за этой пеленой бесконечных облаков, которые в свете незнакомой звезды играли всеми цветами радуги? Корабль находился на очень высокой орбите, и разглядеть какие-либо детали с такого расстояния Аталанта не могла. Впрочем, у неё уже был готовый спектральный анализ состава атмосферы, и если верить компьютеру, Аталанта смогла бы там дышать с вероятностью 87%...

Родившаяся на космическом корабле посреди бесконечного космоса, Аталанта не испытывала особой тоски по Земле, которую она никогда не видела, или по какой-либо ещё планете. Да, она смотрела земные фильмы, слушала рассказы отца, читала книги, но её привязанность была скорее привязанностью к памяти об отце, а не к Земле.

Безмолвно, но тревожно замигала красная точка на браслете. Уловив взгляд Аталанты, маленький экран браслета тут же высветил информацию: сбой в системе искусственной гравитации, угловая скорость вращения корабля вышла за границу допуска, отказ коррекции. Потом коротко мигнула зелёная точка: заказанный чуть раньше расчёт траектории до Земли был готов. Аталанта присела в удобное кресло возле иллюминатора и, направив проекцию с браслета на ближайшую стену, прочитала результат. Беспристрастный компьютер сообщал, что в нынешнем состоянии и при использовании солнечного паруса корабль сможет достичь окрестностей Земли всего за 658 миллионов земных лет. Аталанта невольно улыбнулась.

«Значит, если мне сейчас двадцать четыре года...», – пронеслось в её голове...

В любом случае, остаться на корабле означало самоубийство. Можно было только выбирать, куда будет доставлено её мумифицированное тело: через миллионы лет на Землю или относительно скоро – на эту неизвестную планету внизу, когда корабль когда-нибудь сойдёт с орбиты. Умирать Аталанта не собиралась, и поэтому никакой альтернативы высадке на планету у неё не было. Надо было только определиться, что делать с кораблём...

И Аталанта приняла решение направить корабль обратно к Земле. Пусть хоть через миллионы лет, но он вернётся домой и может быть сослужит науке хоть какую-то службу.

Надо было теперь основательно подготовиться к посадке и загрузить в катер всё, что могло понадобиться на незнакомой планете. Вряд ли у неё набралось бы много вещей, так как забрать что-либо из повреждённых отсеков корабля не было никакой возможности... И ещё надо не забыть взять с собой игрушечного плющевого зайца с клетчатыми

ушами. Его подарил Аталанте отец, когда ей исполнилось два года. Кажется, он сам его сделал. Это было единственное, что у неё осталось на память об отце; ну, кроме воспоминаний...»

Решив, что она прочитала уже достаточно, Таня остановилась и только было собралась поднять глаза на стоявшую перед ней девушку, как произошло что-то непонятное... Сначала Тане показалось, что в библиотеке внезапно погас свет. Вздвогнув, Таня изумлённо огляделась по сторонам. Вместо привычного зала со стойкой и книжными полками она увидела тесный коридор, неярко подсвеченный призрачным голубовато-синим светом. Левая стена коридора была округло-вогнутой, и чуть впереди виднелся огромный иллюминатор – почти от пола и до сводчатого потолка. Возле иллюминатора, спиной к Тане, стояла Аталанта. Девушка была в той же самой белой куртке и чёрных облегающих штанах. На запястье её левой руки мигал красной и зелёной лампочками широкий тёмный браслет, похожий на необычные наручные часы. В правой руке Аталанта держала серую мягкую игрушку – зайца со свисающими вниз лапами и с длинными, почему-то клетчатými, ушами. Нижнюю часть иллюминатора, заполняла плотно закрытая мутными облаками планета, а над выгнутым дугой нечётким горизонтом чёрнела бесконечная даль космоса, и сияли яркие немигающие звёзды...

Словно выждав небольшую паузу, Аталанта повернулась к Тане и задумчиво улыбнулась.

– Скоро здесь всё отключится, – негромко сказала Аталанта. – Надо готовиться к аварийной посадке.

Совершенно потрясённая увиденным, Таня смогла лишь едва пошевелить губами – выговорить что-нибудь членораздельное у неё не получилось. Впрочем, если бы ей это и удалось, это были бы только односложные восклицания: «Как?», «Что?», «Где?»...

На стене напротив иллюминатора Таня заметила небольшой портрет: трёхмерная графика, знакомое лицо... Это был Ленин. Похожий, но только, конечно, не трёхмерный, портрет висел в их библиотеке. Тане даже рассказали его историю – старый директор библиотеки принципиально отказался снять его в девяностые годы, а потом, когда он вышел на пенсию, и библиотеку возглавила Маргарита, та тоже решила его не снимать, так как считала, что библиотека – это прежде всего традиции... Таня перевела взгляд с портрета на облачную планету в иллюминаторе, а потом – на стройную фигурку Аталанты у иллюминатора...

Аталанта поманила Таню рукой:

– Иди сюда. Смотри, как красиво!

Таня словно зачарованная сделала несколько шагов по мягким, слегка проминающимся под ногами квадратам пола, и вдруг её коленка больно ударилась обо что-то твёрдое. Не удержав равновесия, Таня стукнулась

другой коленкой, повалилась вперёд, задела что-то локтём и, наконец, под грохот перевёрнутой тележки и разлетевшихся книг, упала на пол...

Она внезапно увидела себя на полу на четвереньках посреди библиотечного зала. Вокруг валялись книги и опрокинутая на бок тележка.

«Господи! Что это сейчас было? – подумала Таня, поднимаясь на ноги и потирая ушибленные места. – Галлюцинация? Но с чего это вдруг?...»

Ведь всё выглядело на редкость реальным – и Аталанта, с которой она разговаривала здесь у стойки, и книга, которую Аталанта попросила её читать... Да, точно – та книга была у неё в руке... Где же она теперь? Таня лихорадочно начала рассматривать валявшиеся на полу книги, но никаких «Приключений Аталанты» среди них не было. Тогда Таня поставила тележку снова на колёсики и сложила на неё все упавшие книги. Правда, на этот раз не сортируя их по отделам. «Завтра с утра отсортирую», – подумала она. Наведя относительный порядок, Таня решила проверить по картотеке. К её немалой радости, книга Андрея Собакина «Приключения Аталанты. Аварийная посадка», действительно имелась в библиотеке, в абонементе, и была выдана на руки на прошлой неделе.

«Очень интересно... Николай Беляков, – теперь Таня знала, как зовут того читателя, за которого так переживала Аталанта. – Адрес... Телефон...»

Взглянув на часы, Таня обнаружила, что с момента ухода Маргариты прошло всего полчаса, так что время было ещё не такое позднее.

«Позвонить или так, в живую, навеститься?» – задумалась она. Судя по адресу, проживал Николай Беляков совсем недалеко от библиотеки, минут десять пешком.

«И что я ему скажу? – мучилась Таня. – Вами тут один литературный персонаж интересовался? Или нет, просто спрошу про книжку. Всё-таки я – библиотекарь. Хотя срок у него ещё не вышел... А, ладно, там на месте ориентируюсь. Может с ним и в самом деле что-то случилось...»

Закрыв библиотеку, Таня отправилась по адресу. По дороге перед её глазами всё время стояла та картинка в сумрачном сине-голубом свете: огромный иллюминатор, Аталанта с плюшевым зайцем в руке и таинственная, скрытая облаками планета за стеклом...

«...А вдруг откроет дверь его жена, – размышляла Таня. – Вот что я ей скажу? Про Аталанту расскажу? Бред, конечно... О! Скажу, что книгу перерегистрировать надо. А что? Вполне естественно звучит...»

Поднявшись на лифте на шестой этаж, Таня, не раздумывая, нажала кнопку звонка (а то если бы задумалась, то, скорее всего, передумала бы). Дверь открыл вполне симпатичный молодой человек и вопросительно на неё посмотрел.

– Здравствуйте, – сказала Таня. – Вы – Николай Беляков?

Молодой человек молча кивнул.

– Я из библиотеки. Меня Татьяна зовут. Вы книжку брали на той неделе...

Тут Таня заметила, что её фраза каким-то образом его напугала.

– Да, но книгу я должен вернуть только через неделю, – неуверенно пробормотал читатель.

– Я знаю... – сказала Таня. – Скажите... А вы читали её сегодня.

– Да...

– И вам что-то помешало?

– Я не понял... – Николай заметно напрягся. – Что вы имеете в виду?

Чувствуя себя совершенной дурой, Таня пояснила:

– Вы дочитали до того места, где Аталанта собиралась покинуть корабль и на катере приземлиться на ту планету?

Николай сглотнул, а потом молча кивнул.

– А почему вы потом перестали читать? – просто спросила Таня.

Николай выглядел совершенно потрясённым.

– Вы кто? – едва слышно пробормотал он.

– Я же сказала, – улыбнулась Таня. – Я – из библиотеки.

– А откуда вы знаете, где я перестал читать? – ошарашенно спросил Николай.

Таня вдруг ощутила, что весь её страх куда-то улетучился, и она как можно серьёзнее ответила:

– Некоторые книги мы отслеживаем. Ну, чтобы улучшить качество обслуживания...

Николай неуверенно схватился рукой за косяк двери и пару раз глубоко вздохнул.

– Разве это возможно? – спросил он.

– Да, – сказала Таня. – Современные технологии... Наша библиотека старается идти в ногу со временем.

– Понимаете... – пробормотал Николай. – Я читал эту книгу сегодня на балконе. Жарко было днём, вы же знаете... Ну, сидел с книжкой... С пивом... А тут в комнате вдруг грохот – кот на шкаф запрыгивал и не дотянул... Упал и завалил торшер. Я от неожиданности вскочил с кресла, книжку машинально на перила балкона положил – они широкие, но... В общем, упала книга... Вниз... Как раз на козырёк над подъездом...

Николай распахнул дверь квартиры пошире.

– Вы проходите, – сказал он. – Я вам её покажу. Её с балкона видно.

Таня прошла в квартиру, и Николай отвёл её на балкон. Застывший в дверях кухни крупный полосатый кот проводил девушку внимательным взглядом.

– Вон, видите? – Николай показал рукой вниз. – Я уже смотрел – на этот козырёк без лестницы не залезть... Я в ЖЭК ходил (должна же

быть у них лестница!), но там было уже закрыто... Я завтра с утра перед работой туда заскочу – попрошу помочь мне эту книжку достать.

– А вам нравится про эту Аталанту читать? – рассеянно спросила Таня, переваривая полученную информацию.

– Нормально так, – пожал плечами Николай. – Я просто раньше читал одну книгу про неё; ту, где про портал времени... А тут – ещё одна книжка. Интересно же...

– Да, вы ей тоже понравились, – пробормотала Таня.

– Что вы сказали?

– Ничего, – Таня снова взглянула с балкона вниз. – Давайте-ка лучше спустимся вниз и попробуем достать книжку.

– Как? Без лестницы? – удивился Николай. – Без лестницы точно ничего не получится.

– Пойдёмте-пойдёмте, – уже решительнее отозвалась Таня.

Они спустились вниз и вышли из подъезда под козырёк.

– Ну вот, как туда залезть? – вздохнул Николай. – Книжка там, наверху.

Козырёк поддерживали две округлые бетонные колонны, а по бокам, поверху, между домом и колоннами, тянулся декоративный узор из крашенных металлических колец...

– Вы можете меня чуть-чуть подсадить? – неожиданно даже для самой себя спросила Таня.

Николай недоумённо уставился на неё.

– Ну, я же не кенгуру так высоко прыгать, – пояснила Таня. – Руки сцепите...

Николай, наконец, понял и чуть присел, сцепив руки перед собой. Таня осторожно поставила туда свою ногу в кроссовке и, сильно оттолкнувшись, взлетела до нижнего ряда металлических колец и ухватилась за них руками. Предварительно качнувшись несколько раз, она забросила ноги наверх зацепившись ими за узор из колец. Под изумлёнными взглядами Николая и ещё какой-то случайной старушки, Таня вскарабкалась по кольцам на козырёк над подъездом.

– Как вы там? – Николай отбежал чуть в сторону, чтобы лучше видеть.

– Нормально, – отозвалась Таня. – Вот ваша книжка. Как говорится, если что-то можно потерять, то значит это можно и найти.

– Тогда давайте спускайтесь, – сказал Николай.

Таня засунула книгу сзади под ремень джинсов и начала спуск вниз...

– Вот вам ваша Аталанта, – сказала Таня, приземлившись на асфальт и протягивая книгу Николаю.

– Послушайте, – сказал Николай. – У меня просто нет слов... Вы прямо как Аталанта: лазаете, прыгаете и даже говорите как она...

– Нет, – вздохнула Таня. – Аталанта чуть повыше... И блондинистой, чем я... Но я могу покраситься!

– Зачем? – Николай с книгой в руках уставился на Таню. – ...А вообще, вы классно прыгаете... Не ожидал...
– Гимнастикой раньше занималась, – махнула рукой Таня.
– Так, значит, вы читали книги про Аталанту? – спросил Николай.
– Нет... – Таня немного напряглась. – Я не фанат такой литературы.
– Тогда откуда вы про неё столько знаете?
– Да так... Встречались пару раз...
– С Аталантой???
– Кстати, – сказала Таня. – Вы позволите?
– Да-да-да, конечно! – Николай с готовностью протянул ей обратно книгу.

Таня перелистнула несколько страниц – она хотела найти то место, которое читала по просьбе Аталанты.

– Вы знаете, – задумчиво сказала она. – Я, пожалуй, возьму эту книгу почитать... После вас, конечно... Вы же её в на следующей неделе в пятницу возвращаете?

– Ну, если хотите, вы можете взять её прямо сейчас, – сказал Николай, почему-то смутившись. – А, скажем, в субботу вы мне её вернёте... Или у вас были какие-то планы на субботу?

– Нет... Можно в субботу, – рассеянно ответила Таня. – У меня есть ваш телефон, я вам позвоню...

– А... А откуда у вас мой телефон? – удивился Николай.

– У вас в карточке указан, – сказала Таня. – Так я возьму книгу?

– Да-да, конечно, берите!

– Ну, тогда до субботы...

– До субботы... – пробормотал Николай. – До свидания...

– До свидания... – сказала Таня и, прижав к себе книжку, пошла домой.

Через несколько шагов она обернулась. Николай всё ещё стоял у подъезда и смотрел ей вслед. Она помахала ему рукой, и он тоже ей помахал и улыбнулся...

Содержание

Список авторов	3
Решение жюри.....	4
Приз читательских симпатий	4
Надежда КАЛАШНИКОВА Дело о «Чёрном гримуаре»	5
Инна КИМ Аэлита	19
Наталья РЕЗНИЧЕНКО Сеня.....	30
Татьяна ПОПОВА Новая версия.....	35
Андрей СОБАКИН	43
Аталанта	43

Издательство «Ник без Компані»